
Арина Теплова
Лучшая бабушка
Империя Железной леди

Деловые бабушки

Арина Теплова

Лучшая бабушка. Империя Железной леди

«Автор»
2026

Теплова А.

Лучшая бабушка. Империя Железной леди / А. Теплова — «Автор», 2026 — (Деловые бабушки)

После аварии я попала в прошлое в тело миллионерши. Немолодой леди пятидесяти двух лет, несчастной, нелюбимой и больной. Родственники и кредиторы жаждут поживиться деньгами бабушки, а молодой муж треплет нервы. Моя предшественница не выдержала такой жизни. Меня же, автогонщицу с «железным» характером, этим не напугать. Так что приступим, господа

© Теплова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 15
Глава 7 17
Глава 8 20
Глава 9 23
Глава 10 26
Глава 11 28
Глава 12 30
Глава 13 32
Глава 14 34
Глава 15 36
Глава 16 38
Глава 17 40
Глава 18 42
Глава 19 44
Глава 20 46
Глава 21 48
Глава 22 50
Глава 23 52
Глава 24 54
Глава 25 56
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Арина Теплова
Лучшая бабушка. Империя Железной леди

Глава 1

Российская империя, Санкт-Петербург,
дом Литвиновых, 1896 год

Резкая боль в груди привела меня в чувство. Пронзило странное ощущение, будто я упала вниз и вошла в своё тело. Я сделала тихий вдох и пришла наконец в себя, мысли немного прояснились.

— Да пусть уже идёт в мир иной, карга старая, — раздался рядом приглушённый голос.

Это я карга? Мне только сорок пять исполнилось неделю назад. И я ещё дама в полном расцвете сил.

Но почему-то была уверена, что говорят именно обо мне.

— Она уж наверняка не к ангелам попала, — ответил второй женский голос. — Столько кровушки выпила из родных своих, да и нас ругала за все подряд.

Каких родных? У меня и родственников-то особо не было. Родители ушли из жизни, когда я была совсем молодой, а с дальними двоюродными братьями и сёстрами я не общалась много лет.

— И не говори, Машка, поделом ей. Никто о ней плакать точно не будет.

Я попыталась пошевелиться или открыть глаза, но не могла двинуться. Тело словно было каменной глыбой, недвижимой и тяжёлой.

Это что, сон? Кошмар? Но почему такой сильный звон в ушах? Едва слышу, как говорят эти две женщины.

— От неё и пахнет дурно, не хочу к ней подходить.

Я даже возмутилась. Про кого они говорят так пренебрежительно? Снова про меня, что ли?

— А давай не будем её мыть, Зинка? Ей же всё равно, она ж померла.

— И точно. Всё равно в гроб закроют и в землю опустят. Там снова грязная будет.

Похоже, про меня. Это от меня плохо пахнет? Да не может того быть! Я всегда следила за собой и за своим телом, мылась каждый день, натиралась всякими кремами и бальзамами, вообще была невероятно чистоплотной.

Невольно я попыталась принюхаться к себе. И у меня получилось задвигать ноздрями. И правда, какой-то смрадный запах. Как от старушенции какой-то. Неужели мой?

— Ой! Зинка, ты видела?

— Чего?

— Она носом двинула. Смотри.

— Да брешешь. Она ж померла.

«Да сколько можно слушать бред этих сумасшедших женщин?» — возмутилась я про себя. Вновь попыталась собрать силы, чтобы двинуться. В следующий миг мне удалось резко распахнуть глаза.

Картина, представшая передо мной, мягко сказать, была неприятной. Два белых девичьих лица, едва окутанных вечерним светом, с засаленными волосами и с выпученными, испуганными глазами.

— Она живая, — удивилась одна девушка.

— А-а-а! — закричала испуганно вторая.

Обе шарахнулись прочь от меня, и я услышала топот удаляющихся ног.

Что за две дурные особы? И с чего они вообще решили, что я должна отойти в мир иной? Бред какой-то. Я же чувствовала себя невероятно живой, даже не болело ничего. Только вот двигаться я не могла отчего-то.

Мне удалось мотнуть головой, и я попыталась пошевелиться. Мне удалось чуть приподняться на руках. Очень тяжело давалось каждое движение. Было чувство, что по всему моему телу проехал каток.

Оглядевшись, увидела совершенно незнакомую комнату. Богато убранную, с лепниной на потолке, с дорогой мебелью. Обстановка напоминала какой-то старинный вычурный дорого интерьер, как при царском режиме, ещё до революции. Я лежала на большой высокой кровати, над головой балдахин.

Смеркалось, и в комнате был полумрак.

Что происходит? Отчего я здесь?

Последнее, что я помню, как резко надавила на тормоз. А потом дикий скрежет тормозов и грохот машины, со всей дури врезавшейся в бетонное ограждение.

Вдруг моя голова сильно закружилась, а в груди защемило. В следующий миг я опять грохнулась головой на подушку и потеряла сознание.

Когда снова пришла в себя и открыла глаза, было совсем темно. Лунный свет, проникающий через большие окна с портьерами, едва озарял комнату, и мне стало совсем жутко.

Я не понимала, где нахожусь, но видела, что все так же лежу на кровати с балдахином, а вокруг — незнакомая огромная комната с картинами на стенах и вычурной хрустальной люстрой.

Проморгавшись, я опять попыталась пошевелиться. Мои мысли были словно затуманены. Но одно я знала точно: надо немедленно встать и осмотреться. Понять, что происходит.

Мне удалось пошевелить рукой, и я обрадовалась. Ущипнула себя и ощутила боль.

Я была жива! И это точно не сон.

Уже что-то определенное.

Пошевелила ногой, точнее, ступней. Повертела головой. Снова подняла руку.

Вдруг скрипнула дверь, и я замерла. Повернула голову и увидела, что створка приоткрыта наполовину, а из коридора льётся неяркий свет.

— Эй, кто тут? — прохрипела я и сама удивилась своему низкому неприятному голосу.

Тут же чуть закашлялась, горло саднило, словно я натёрла его наждачной бумагой.

— Помогите мне, пожал… — Я не договорила.

Надо мной в темноте мелькнула тень, и тут же на моё лицо упала большая подушка. Я судорожно попыталась вдохнуть, но не могла нормально дышать.

Кто-то давил на подушку так сильно, что я хрипела под ней и чувствовала, что снова настал мой последний час. Я пыталась поднять руку и оттолкнуть того, кто душил меня подушкой, но руки не слушались меня.

Глава 2

И тут в моём сознании появилась мысль. Я из последних сил набрала воздуха и замерла, притворилась недвижимой, прикрыла глаза и расслабилась.

И это сработало.

Тут же подушку убрали с моего лица. А я так и лежала с закрытыми глазами, не двигаясь, и терпела из последних сил, задерживая дыхание. Я чувствовала, что убийца стоит надо мной и рассматривает меня.

— Зойка! Где эта дрянная девка? — неожиданно раздался визгливый голос из коридора. — Ты опять не убрала бельё с улицы! А там дождь начался!

Послышались тихие удаляющиеся шаги, и через миг хлопнула дверь.

Я резко открыла глаза и начала жадно хватать ртом воздух, испуганно оглядываясь по сторонам. Я снова была одна в комнате. Изверг сбежал, испуганный окриком из коридора.

Когда отдышалась, я опять прикрыла глаза, попыталась повертеть конечностями. Но они так и не слушались меня.

Я что, парализована? Больна? Вообще, где я и что происходит вокруг?

Это был какой-то нескончаемый кошмар.

Из моих глаз покатились слёзы, и это было необычно. Ведь по жизни я была оптимисткой и довольно сильной личностью. Но сейчас почему-то ощущала себя совершенно потерянной и беспомощной.

Не знала, что делать. Снова звать на помощь? А если услышит тот, кто сейчас пытался меня убить? И вернётся, чтобы довершить начатое грязное дело?

Кричать было опасно. Требовалось как-то набраться сил и попытаться встать.

Размышления вызвали у меня очередное головокружение, и я снова потеряла сознание.

И долгое время пребывала в забытьи, словно в бреду. То теряя сознание, то снова приходя в себя. Мне думалось, что моё тело никак не может прийти в себя, потому что душа не могла решить — остаться в этом мире или нет. Но с каждым разом, приходя в себя, я чувствовала, что моё тело наполняется новыми и новыми силами.

Проснулась я от детского голоса, точнее, от несчастного лепета ребёнка.

— Бабушка, зачем ты ушла от нас? — гнусавил надо мной голос девочки. — Они все рады, что ты умерла. Рады. Они такие злые, бабушка.

Мои глаза были закрыты, и я лежала, приходя в себя.

— Зачем ты оставила меня одну, — продолжал всё тот же тоненький голосок ребёнка. — Я снова буду совсем одна. Они все ненавидят меня, как и тебя ненавидели. Они снова отправят меня в тот жуткий приют. Я не хочу этого.

Ощутила, что что-то мокрое капает мне на руку. Подумала, что это, скорее всего, слезы несчастной девочки, которая шептала надо мной.

— Бабушка, я так люблю тебя, — всхлипнула она. — Очень-очень. Попроси ангелов, чтобы они вернули тебя обратно. Я без тебя не смогу.

Более не в силах слышать этот поток детского страдания, я резко открыла глаза.

Уставилась осоловелым взглядом на девочку лет восьми, с русыми волосами, бледным личиком и дрожащими губами.

— Кто ты? — выдохнула я.

Увидела, как большие серо-голубые глаза ребёнка стали ещё больше от удивления и её рот открылся в недоумении. Она явно была поражена.

— Бабушка? Ты жива? — изумлённо спросила девочка.

— Пока вроде жива, — ответила зачем-то я.

Хотя знала, что никакая я ей не бабушка. Да и вообще, я эту девочку видела впервые в жизни. Но мне отчего-то очень хотелось в этот миг утешить несчастного ребёнка.

— Милая бабушка! — вымолвила девочка и бросилась ко мне на грудь, обнимая тонкими руками. — Ангелы услышали меня! Услышали. Благодарю вас, ангелы!

Я тоже приобняла девочку, осторожно погладила её по спине. Потом чуть отстранила.

— Дорогая, погоди, — попросила я, разглядывая девочку. На ней было чёрное платье. — Кто ты? Как тебя зовут?

— Людмила. Ты не помнишь меня, бабушка? Это же я, твоя внучка Людочка.

И только тут я поняла, что руки и тело снова слушаются меня. Обрадовавшись этому, попыталась сесть на постели, и у меня это получилось.

— Бабушка, как ты себя чувствуешь? — спросила Люда. — Хочешь встать? Давай я позову кого-то из горничных.

— Нет, не надо, — попросила я.

Почему-то подумалось, что если ещё кто узнает, что я пришла в себя, опять появится тот самый злодей, напавший на меня с подушкой чуть раньше. Сначала надо было понять, что здесь происходит и где я вообще. А ещё лучше попытаться узнать, кто желает моей смерти.

Я опять огляделась по сторонам.

Просторная комната в чайных и золотистых тонах, похоже, спальня. Напротив широкой кровати с голубым балдахином находился резной белый шкаф, далее трюмо с зеркалом, у окна секретер и небольшой стол. На стенах какие-то картины на морскую тему. С потолка свисала хрустальная вычурная люстра, а рядом с кроватью висели бра, выполненные в том же стиле.

Очень красивая комната, и видно, что дорого обставлена и со вкусом. Хотя я не очень любила такую вычурную, какую-то имперскую обстановку, более предпочитала стиль хай-тек, но все же комната мне понравилась: много света и пространства.

И все-таки было непонятно, где я находилась? Возможно, мне стало на улице плохо и меня принесли сюда? Но почему не вызвали скорую? Да и отчего девочка называла меня бабушкой? Куча вопросов роилась в моей голове.

— Людочка, помоги мне встать, пожалуйста, — попросила я.

— Хорошо, бабушка, — кивнула она, придерживая меня.

Я опустила на мягкий ковёр ноги и удивлённо посмотрела на них, даже чуть задрала длинную юбку.

Это были не мои ноги!

Мои были стройными, с красивым педикюром. Сейчас же я видела перед собой неухоженные ступни в чёрных прозрачных колготках и чуть полноватые лодыжки. Тут же я начала осматривать свои руки. Они тоже не походили на мои: все в пигментных пятнах, сухие и слишком тонкие. Ногти на пальцах обгрызены и неухожены.

Недоумение, а точнее, паника завладели мной. Я что, не в своём теле?

Глава 3

— Как хорошо, что ты поправилась, — довольно щебетала надо мной Людочка. — А ты ангелов там видела? На небе?

— Нет, дорогая, — отмахнулась я, уже основательно нервничая, и остановила взор на трюмо, точнее, это был скорее трельяж с тремя зеркалами. — Мне надо немедленно посмотреться в зеркало!

Я уже стремительно двинулась по мягкому ковру, благо движение мне давалось легко, только в пояснице сильно покалывало.

— Бабушка, надень тапочки, — предложила девочка, подавая мне вышитые кокетливые туфельки на небольшом каблучке и с меховой опушкой.

Какие-то вычурно-безвкусные и вульгарно-красные. Но я решила всё же надеть их. Мне не терпелось встать и подойти к зеркалу. Увидела, что на мне какая-то чёрная строгая юбка в пол, блуза, пиджак, колготки. Одета строго и вычурно.

Но почему тогда я лежала на кровати? Правда, на покрывале, но всё же.

Обстановка комнаты и то, как я была одета, наводили меня на мысль, что я не в XXI веке, а где-то в прошлом. Конечно, не совсем в давнем прошлом, где ходили в кринолинах и париках, а в веке так девятнадцатом.

— Людочка, а почему я спала одетая?

— Потому что Лариса Самсоновна велела Зойке нарядить тебя, чтобы, когда гроб принесут, ты готовая была.

— Гроб?

— Да. Все же думают, что ты умерла. Сегодня в два пополудни тебя хоронить должны, бабушка, — объяснила девочка, так и поддерживая меня за талию и заглядывая в лицо.

— А-а-а, — не сразу дошло до меня.

— Они там все в гостиной большой собрались, ждут, когда на кладбище ехать. А ты жива! Вот они все офонареют!

Слово «офонареют» меня немного покоробило, но я поняла, что девочка имела в виду «обалдеют».

— А сколько сейчас времени, Люда, ты знаешь?

— Около полудня, бабушка.

Мы уже приблизились к трельяжу, и я застыла перед своим отражением.

Боже! Это я?

На меня из зеркала смотрела дама лет под шестьдесят с обветренным, сухим лицом, тусклыми небольшими глазами, тонкой полоской губ и седыми волосами. Тонкая шея и покатые плечи. Взгляд потухший и потерявший вкус к жизни. А ещё на лице были жуткие веснушки, которых у меня никогда не было раньше.

Ужас просто! Да я настоящая бабка!

И ведь надо же случиться такому недоразумению! Ведь раньше я была просто красавица. Постоянно ухаживала за собой: за своей кожей, волосами, губами. Поддерживала и своё тело в форме. Занятия спортом и йога были в моем арсенале последние двадцать пять лет. В свои сорок пять я выглядела на десять лет моложе. А сейчас из зеркала на меня смотрела жуткая облезлая дама за пятьдесят.

Я быстро начала задирать длинную, бесформенную юбку, увидела, что на мне надеты не колготки, а чулки, стянула их вниз. Вообще сняла эти неудобные чулки. Затем сорвала с себя пиджак, блузку и ощупала тело. Стояла перед своим отражением в каком-то смешном дурацком лифоне а-ля бабка, которые носили точно при царе Горохе.

Тело моё было немного пухлым и таким же запущенным, как и лицо. Создавалось такое впечатление, что ранее владелица моего тела совсем не заботилась о себе. Возможно, у неё не имелось денег или она была бедной родственницей в этом богатом доме?

Скорее всего.

Но зато теперь я поняла, отчего меня хотели придушить. Смотреть на меня было жутко. Я бы тоже такое страшное существо захотела удавить.

Я несколько раз глубоко выдохнула, пытаясь взять себя в руки и успокоиться. Это очень важное действие, когда на тебя неожиданно обрушиваются неприятности или страшное известие. Надо попытаться мыслить спокойно, без излишних эмоций, чтобы не наломать дров.

— Людочка, а сколько мне лет? — спросила я, нахмурившись, чувствуя, что снова хочу упасть в обморок и никогда не просыпаться в этом доме и в этом теле.

— Пятьдесят с чем-то, бабушка, — ответила неуверенно девочка. — Я точно не знаю.

— А зовут меня как?

— Нина Георгиевна Литвинова.

Я кивнула и отошла от трельяжа, приблизилась к окну, выглянула наружу. Увидела дорожку у дома, справа и слева красивые клумбы, дорога устремлялась вперёд до ажурных ворот, а сбоку виднелся сад, едва расцветающий, со свежей зеленью. Двор походил на въезд в богатую усадьбу, такие часто снимали в исторических кино про дворян.

Я опустила глаза и отметила, что под нами ещё целый этаж и сбоку окна. Похоже, я находилась в каком-то особняке.

— Людочка, а в этом доме много комнат?

— Много, бабушка. Ты всё позабыла? Но это ничего. Главное, что ты снова пришла в себя. Ты спрашивай меня, я всё тебе расскажу, — почтительно предложила девочка.

— Об этом я и хотела тебя попросить, — улыбнулась я, поворачиваясь к девочке. — Скажи, а чей это дом? Моего сына?

— Твой дом, бабушка. Ты здесь хозяйка, — ответила Людочка. — И дом, и сад, и конюшня — всё твоё. А ещё у тебя много денег, бабушка. Ты миллионщица! Так говорит дядя Антон.

Вот это поворот.

Я недоуменно захлопала глазами.

Глава 4

Что, правда? Вот я, такая старая и страшная, и миллионщица? Точнее, миллионерша. А что? Зато теперь понятно, отчего меня хотели придушить. Наверняка стали нужны мои денежки, а я, видать, никак не помирала. Вот и решили помочь.

Конечно, если Людочка говорила правду и всё верно понимала про меня. Но девочка вроде выглядела умненькой, интересно, сколько ей лет?

— Сколько тебе лет, дорогая, напомни?

— Восемь, бабушка. Через месяц девять уже будет.

Я решила снова одеться, но лишь накинула блузку с дурацкими бабскими кружевами и поправила юбку.

— А какой сейчас год, Людочка?

— 1896 от Рождества Христова.

Ясно. Всё же с эпохой я не ошиблась: рубеж XIX–XX веков.

— И, как я понимаю, сейчас весна, апрель? — спросила я, вспоминая вид из окна, зелень на деревьях и клумбах едва начала пробиваться.

— Нет, май, десятое число.

— Спасибо, Людочка. Ты мне так хорошо помогаешь все вспоминать. Но у меня есть к тебе небольшая просьба, внученька.

— Какая, бабушка?

— Никому не говори, что я ничего не помню, не хочу выглядеть глупой. Понимаешь, меня, зайчонок? Это будет наша с тобой маленькая тайна.

— Хорошо, бабушка, — закивала Люда. — Наша тайна.

Я опять задумалась.

Итак, что у нас получалось? Я находилась в теле какой-то седой миллионерши — бабушки, конечно, не дряхлой старухи, но и не молодой особы. У меня были дом, внучка и даже, видимо, слуги. Это уже неплохо.

Но отчего я попала сюда? Неужели действительно ангелы услышали молитвы этой девочки и переселили меня в тело этой Нины? Возможно, и, похоже, в прежнем мире я или умерла, или же находилась без сознания, например, в коме.

В этот момент дверь в комнату распахнулась, и на пороге возникла девушка в строгом платье и переднике, похожая на горничную.

— Людмила Осиповна, вас ждут внизу, — строго заявила она, входя, и тут же застыла на месте. Уставилась на меня испуганными глазами. — Царица небесная, она встала! — вскрикнула в ужасе девица и тут же с грохотом упала в обморок.

Я быстро подошла к горничной, наклонилась и похлопала её по щекам, но она не приходила в себя. Нахмурившись, я поняла, что нужен врач или хотя бы воды плеснуть ей на лицо. Обернувшись, заметила на столе графин с водой и два стакана. Тут же налив и набрав в рот воды, я прыснула ею на потерявшую сознание горничную. Но это ничего не дало.

Снова поднявшись на ноги, я оглядела коридор. Такой же помпезный и вычурный, как и моя спальня. С лепниной на потолке и паркетными светлыми полами.

— Бабушка, ты забыла тапочки, — раздался рядом голос Люды. — Не стой босая, а то заболеешь.

Видимо, девочка боялась, что со мной что-то случится.

— Людочка, надо вызвать доктора. У нас есть телефон? — спросила я, пытаясь вспомнить, появились ли в домах в эти годы девятнадцатого столетия телефоны или нет.

— Он внизу, в твоём кабинете, бабушка.

— Пойдём туда, дорогая, — велела я.

Мы направились по широкой лестнице на первый этаж особняка, и я, на удивление, прекрасно двигалась, ничего у меня не болело и не сковывало движения. Только поясница продолжала нещадно ныть, а к ней добавилось покалывающее правое плечо. Скорее всего, оттого что я долго лежала на постели.

Людочка семенила за мной, а я глядела по сторонам. Особняк внутри был просто великолепен. Точно жилище миллионерши. Просторный, немного помпезный. С хрусталём, синими коврами на белой мраморной лестнице, зеркалами и дорогими шёлковыми обоями на стенах.

Я спустилась с лестницы первой, немного ошарашенная, но впечатлённая. Хозяйка этого дома точно не скупилась на ремонты и украшения интерьера.

— Людочка, так где же кабинет? — обернулась я к девочке.

В это время Люда замешкалась на лестнице, остановилась и завязывала на туфельке ленту, которая развязалась.

— Первые двери направо, бабушка, — ответила она.

Думая только о том, чтобы побыстрее вызвать доктора и снова вернуться к той несчастной девушке, что лежала на пороге спальни, я быстро распахнула первые двери и стремительно вошла в кабинет.

И тут же резко остановилась. Это был не кабинет, а комната, похожая на большую гостиную с диванчиками, креслами и чёрным роялем. И здесь находилось почти два десятка человек. Кто-то сидел, кто-то стоял, но все были в чёрном.

Взоры присутствующих тут же обратились ко мне, и в гостиной наступило гробовое молчание. Но всего на пару мгновений. Тут же со всех сторон послышалось множество голосов:

— Нина?!

— Какого чёрта?

— Нина Георгиевна?

— Боже, что это?

— Она не умерла?

Недоумение, страх и удивление отражались на лицах окружающих. А в глазах многих застыл не просто немой вопрос, а благоговейный ужас. Словно увидели не привидение или неожиданно ожившую бабушку, а демона из преисподней.

— Вернее, дверь налево, бабушка, — мяукнула извиняющимся голоском Людочка за моей спиной.

Ясно, я ошиблась дверью и вошла не в кабинет. Бывает.

Но эффект, произведённый моим появлением, мне понравился.

Бледные и покрасневшие лица присутствующих говорили сами за себя. Похоже, как и говорила Людочка, видеть меня живой в данный момент не желал никто в этой комнате. Кроме, наверное, моей внучки, которая притихла рядом.

— Приветствую вас, господа, — громко и решительно произнесла я.

После моих слов одна из девушек, стоявшая у окна, грохнулась в обморок.

Глава 5

В прошлом мире я была гонщицей.

Редкая профессия для женщины. Такая необычная и кайфовая.

Опасность, страсть к быстрой езде и адреналин в крови прельщали меня ещё с молодости. Родители твердили мне, что это не женская профессия. Но кто слушает родителей?

Сильная воля, целеустремлённость, страстный характер — мои основные качества, которые сделали в итоге из меня ту, кем я стала: лучшей в своей стране. Я участвовала в международных соревнованиях наравне с мужчинами, хотя правила не всегда женщин туда допускали. Например, на Формуле-1 дам не принимали. А почему? Потому что до сих пор в нашем XXI веке женщина была ущемлена в правах. Конечно, не так, как в средневековье или при «царском режиме», но всё равно я чувствовала постоянно эту несправедливость и осуждение в глазах окружающих.

Мужчины тоже смотрели на меня как на какую-то диковинку. Порой боялись подойти, познакомиться. Им казалось, что я отшиваю всех на раз-два. И хотя я была довольно хороша и даже красива, имела подтянутую, спортивную фигуру, всё равно они как будто страшились меня.

Возможно, моего жёсткого характера или стального нрава.

Про таких, как я, говорили — баба с яйцами.

Но это было совсем не так.

Да, когда садилась за руль, я забывала, что я нежное, ранимое создание под названием «женщина». Давила на газ, виртуозно делала рискованные повороты и гнала к своей цели — к финишу, как можно быстрее и яростнее.

Но на самом деле в моей душе, как и у всех женщин, сидело желание любить и быть любимой, желанной и привлекательной и, конечно, иметь любимого мужа и детей. Но как-то не сложилось.

В тот день я опаздывала на банкет к своей подруге Лёльке. Гнала как бешеная по трассе, возвращаясь из соседнего города, куда ездила по делам.

Пошёл дождь, и дорога превратилась в скользкое полотно в считаные минуты. В этот момент зазвонил телефон, лежавший в сумочке на пассажирском сиденье. Я полезла за ним, и тут машину повело резко в сторону. Я схватилась за руль, пытаясь удержать автомобиль, но через миг на всей скорости съехала с дороги и врезалась в бетонное ограждение. Всего миг — и картинка перед глазами пропала, а мозг отключился.

И вот теперь я оказалась здесь. В девятнадцатом веке, в теле бабушки Нины и в окружении её родни и знакомых, которые смотрели на меня сейчас вытаращенными глазами.

После моих слов опять наступила полная тишина. А я нахмурилась, обводя взглядом присутствующих в просторной гостиной и изучая их, пытаясь понять, кто из них кто.

В этот момент над светловолосой девушкой, упавшей в обморок у окна, быстро склонился мужчина, стоявший рядом с ней. Немолодой, лет пятидесяти, в строгом чёрном костюме, высокий, осанистый, с чуть седыми висками. Легко поднял её и усадил на ближайший стул, похлопал по щекам, пытаясь привести её в чувства.

— Анюта, — позвал он её, но взор мужчины снова и снова косился в мою сторону.

Неожиданно с кресла вскочил светловолосый молодой человек в чёрном дорогом костюме и бросился ко мне:

— Ниночка! Ангел мой! Ты жива!

— Что? — недоуменно произнесла я, не ожидая подобного.

Он уже схватил мою руку, целуя её. Я же невольно вырвала ладонь из руки молодого человека, похожего на златокудрого Аполлона. Чуть отступила от него. Но красавец-блондин тут же обхватил мою талию и обернулся к присутствующим.

— Жива, господа! Какое счастье! — продолжал он свою пафосную речь, которая сразу же показалась мне невероятно фальшивой. — Ниночка, ангел мой!

— Что вам надо? Кто вы? — спросила я, нахмурившись, пытаясь понять, кто это.

Но златокудрый «Аполлон» уже сграбастал меня в объятья и поцеловал прямо в губы. Быстро и легко.

— Ты не узнаешь меня, рыбонька? — выдал удивлённо он. — Я же твой любимый муж, Аркаша.

Муж?

Вот этот молодой парень, лет двадцати пяти, смазливый на лицо, пахнущий, как парфюмерная лавка, и с ярко-красной розой в петлице?

Это мой муж? Точно?

Всё, приплыли.

Я — старая, злая карга, которую все ненавидят. У которой куча денег и муж годится в сыновья.

А что? Если я богата, то и муж может быть красивым и молодым. Вполне. Логика вроде прослеживается. Не только же богатым мужикам можно заводить молодых жён и любовниц. Например, Екатерина II постоянно меняла молодых любовников.

Я даже на миг обрадовалась, что могу позволить себе, точнее, дама, в теле которой я оказалась, может позволить себе иметь рядом такого красавца. Но тут же мои мысли поскакали дальше в более мрачном направлении.

А что, если этот красавец-блондинчик намеренно женился на мне, чтобы укокошить и забрать мои деньги? Точнее, деньги богатой Нины? Кто-то же душил меня подушкой.

Глава 6

Так, спокойно, Наташа (так звали меня в прошлой жизни).

Мы всё выясним, а пока надо этого муженька придержать.

— Погоди, Аркадий! — тут же заявила я, убирая руку «Аполлона» со своей талии. — Не жми меня так сильно.

— Я же любя, Ниночка!

— И право, Аркадий Сергеевич, ещё навредите Нине Георгиевне, она и так бледна как полотно, — раздался откуда-то сбоку голос.

— Так с того света вернусь, ещё бы не бледна была, — ответил ещё кто-то.

— Да так неожиданно.

Я пыталась уловить слова и запомнить лица тех, кто говорил.

— Даже черти её не взяли, заразу, поперхнулись, — добавил мужской голос сбоку.

Я тут же обернулась к тому, кто сказал эту гадость, и увидела сидевшего на канапе мужчину в летах, дородного и важного, с бакенбардами, лет шестидесяти.

— И что вы такое говорите, батюшка? — возмутилась девица лет двадцати пяти в сером платье, стоявшая тут же. — Нехорошо так о матушке молвить.

— Правду только и сказал, Клавдия, — буркнул в ответ мужчина.

— Ну, успокойся, Миша, золотенький мой, — тут же начала утешать мужчину девица, сидевшая рядом с ним, лет двадцати, с вульгарной красной помадой на губах и ярко-рыжими волосами. — Нина Георгиевна жива, как оказалось. Это же хорошо.

— Кому же хорошо? — не унимался мужчина, сверля меня каким-то злым взором.

Я окинула их взглядом. Ничего не поняла. Если Аполлон был моим мужем, то почему девица в тёмно-сером платье, Клавдия, назвала меня матушкой, а господина в летах — отцом?

— Вы это обо мне, сударь? — спросила я вызовом мужчину в летах.

Он промолчал. Даже как-то обиженно надулся. Хотя, наверное, это мне следовало обижаться на его мерзкие слова.

Я тут же занесла этого неприятного, злого мужика «Мишу» в летах в свой чёрный список.

Первым.

Первым претендентом на звание убийцы с подушкой был он. Если он при всех так яро высказывал свою ненависть, то уж наедине точно мог спокойно придушить.

Но кто это был такой? Родственник? Мой бывший муж? А эта вульгарно выглядевшая рыжая девица, сидевшая рядом с ним, кто? Похожа на кокотку или шлюху.

Ох, сколько ещё предстояло выяснить!

Вторым в чёрный список записался в моём сознании мой муженёк — Аркаша.

Ну не верила я в сказки. Такой молодой и красивый и по любви со мной, точнее, с Ниной. Ага, сейчас. Стал бы он со мной жить, если бы я была прачкой или служанкой? Вряд ли. И это говорило о многом.

Надо бы поговорить с поверенным или адвокатом, кто тут у них занимается делами семейства с юридической точки зрения. Выяснить, кто первый в наследии, и понять всё.

— Ниночка, не нервничай так, а то тебе снова станет дурно, — всё пел у моего уха Аполлон — альфонс конкретно начал раздражать.

— Аркадий, успокойся уже, — холодно ответила я, отталкивая руку мужа со своей талии.

У меня начала болеть голова, наверняка от чрезмерно пахнущего молодого муженька, а ещё полный дом людей, которых в данный момент я совсем не желала видеть. Я пришла позвонить доктору и всё. А не вот это вот всё наблюдать. Хотелось остаться в своём доме одной, ну, хотя бы семьёй своей и осмотреться. Понять, что к чему.

— Прости, я совсем не хотел, — начал Аркадий.

— Хватит, помолчи, — велела раздражённо мужу и тут же заявила всем присутствующим: — Господа, как видите, я жива и вполне сносно себя чувствую. Так что мои похороны отменяются. Я вас больше не задерживаю в своём доме.

Тут же возникла суета, и присутствующие начали вставать со своих мест. Спешили к выходу, извинялись и желали мне здоровья. Я же, чуть посторонившись, пропускала их всех и холодно смотрела, делая вид, что верю в их добрые пожелания.

Ко мне приблизилась та самая девушка, что упала в обморок при моём появлении. Вроде её называли Анютой. Она оттеснила Аркадия и взяла меня за руку.

— Матушка, вам и правда лучше. Я это вижу, — приветливо сказала она. — Вы напугали нас всех, когда появились сейчас. Но я так рада, что вы живы. Проводить вас до спальни?

Я прищурилась, оглядывая девицу лет восемнадцати, довольно хорошенькую и приятную на лицо. В её глазах я заметила искреннее участие.

Пока я раздумывала, друг она или враг, Людмила уже выпалила:

— Бабушка, Анюта хочет помочь.

Так, значит, Аня, ещё одна моя дочь. Вторая дочка, которая в сером платье, так и продолжала стоять, как статуя, у диванчика и только как-то недовольно зыркала на нас. Господин с бакенбардами, её папаша, который поминал чуть раньше чертей, вышел с остальными из гостиной.

Надо будет расспросить о дочерях у Людмилы поподробнее. Да и вообще об остальных домочадцах.

— Матушка, ты прямо всех огорошила своим появлением. Воскресла, как мрачный призрак, — произнёс недовольно молодой невысокий мужчина, чуть приблизившись. — Уже и место на кладбище заказали, и банкет в ресторации, а теперь отменять всё, что ли? Столько денег...

— Господи, что ты несёшь, Антон?! — воскликнул Аркадий. — Моя Ниночка жива, а это главное!

— Ну, извините, что не померла, — огрызнулась я, оглядывая своего сыночка Антона, импозантного, холёного и высокомерного, который смотрел на меня с каким-то презрением и жалостью.

Меня сразу покоробил его взгляд, да и слова тоже. Нет, не должен был так вести себя любящий сын.

— Да и выглядишь, как и всегда, неопрятно, — не унимался Антон, прищурившись и оглядывая меня, играя цепочкой от дорогих часов, что были в кармане его шёлкового жилета. — Что за вид? Босая, без чулок — и перед людьми вышла. Даже не причесалась.

Глава 7

— Прекрати, пожалуйста, Антон. Матушка едва на ногах стоит, а ты... Надо бы доктора вызвать, — продолжала заботливо Аня.

— Ах да, — вспомнила я о девушке в переднике. — Надо вызвать доктора. Там, наверху, служанке стало плохо, она не приходит в себя.

— И давно тебя стало волновать здоровье наших слуг, матушка? — приподняв бровь, поинтересовался Антон. — Прямо блещешь сегодня странностями.

Я прямо опешила от того, как он продолжал говорить со мной: нагло, высокомерно и гадко. Словно я была не его матерью, а прислугой. Да и с прислугой так не говорят. Явно этот сынуля меня на дух не переносил.

Короче, я записала его третьим в чёрный список.

Решила сразу же поставить наглеца на место. Тем более имела право, как мать и хозяйка всего здесь.

— Значит так, Антон, — произнесла я спокойно. — Отныне не смей делать мне замечания и поучать. Понял? Ты пока что живёшь в моём доме и имей уважение.

— Как? — вымолвил он удивлённо, и даже его рот приоткрылся. Он явно не ожидал от меня подобного.

Конечно, я не знала, точно ли мой сын живёт здесь, но била наугад.

— Вот так. И советую впредь говорить со мной в другом тоне: вежливо и почтительно. А то наследства моего будешь лишён. Оставлю всё вон Анне. Понял меня, сынок? — ядовито добавила я.

— Матушка, не волнуйтесь, вам вредно, — попросила Анюта.

— Я совершенно спокойна. А теперь проводите меня в спальню и вызовите наконец доктора!

Довольная тем, как недоумённо вытянулось лицо этого наглеца, я повернулась и последовала в сторону лестницы. Однако нас тут же догнала Клавдия и громко заявила:

— Матушка, я позвоню доктору, не беспокойтесь.

Я невольно отметила, что улыбка старшей дочери как-то неестественно натянута на лице, словно девушка заставляла себя улыбаться. В ответ я только кивнула и позволила Анне и Людочке придержать меня за локти.

Когда мы подошли к спальне, служанки, что до того лежала на полу, уже не было.

— Похоже, доктор нам не понадобится, зря спускалась, — пробормотала я.

— Думаю, матушка, что доктор всё же нужен вам. Пусть осмотрит вас как следует, а то очень всё это странно с этой вашей смертью.

— И не говори, Аня, странно, очень странно, — согласилась я. Аня помогла мне присесть к зеркалу, и я снова внимательно посмотрела на своё бесцветное сухое лицо со взлохмаченными волосами, поморщилась. Седина на висках невыносимо раздражала. — Надо что-то с этим делать, — сказала я сама себе, проводя пальцами по волосам, а сама напряжённо думала, что же предпринять в первую очередь.

Конечно, перво-наперво надо было как-то вычислить и нейтрализовать убийцу. Но как? Это было первоочередной задачей. Пока я его не найду, моё существование в этом доме и мире будет постоянно под угрозой. А снова умирать мне что-то совсем не хотелось. Раз уж попала сюда, надо постараться как-то выживать.

Во-вторых, разобраться в родственничках, кто друг, а кто недруг. А в-третьих, моя внешность — это было что-то нестерпимо ужасное. А ещё я вдруг ощутила зверский голод, словно не ела уже несколько дней. Может, это сказывалось то, что Нина тут помирала не одни сутки, и организм требовал пищи?

— Я могу ещё чем-то помочь вам, матушка? Раздеть вас? — прервала мои мысли Анна.

— Нет, — тут же обернулась я к дочери. — Принеси мне что-нибудь поесть. Есть суп или бульон какой? И Людочке тоже, что ты хочешь, зайчонок?

— Тоже суп, а ещё второе, и компот, и пирог ещё, — тут же выпалила довольно Людочка, присаживаясь на небольшое канапе у окна. — Ты же знаешь, у меня хороший аппетит.

— Тогда, Анюта, если тебе не трудно, принеси нам поесть, а если трудно, попроси кого-нибудь из прислуги, — велела я.

— Я сама, матушка, мне нетрудно.

— Хорошо, дочка, ступай, — велела я Анне, мне не терпелось поговорить с Людой наедине.

Девушка понятливо кивнула и уже направилась к двери, как вдруг остановилась и спросила:

— Обед прямо сюда, в вашу спальню, нести, матушка?

— Конечно, неси сюда.

— Но… Вы же всегда говорили, что следует есть только в столовой, а в другом месте есть — это дурной тон.

— Мало ли всяких глупостей я говорила, Аня, — отмахнулась я от девушки. — Иди и принеси нам обед, пожалуйста.

Она вышла, а я обернулась к Людочке и быстро спросила:

— А теперь расскажи мне, дорогая, отчего это Аня такая заботливая и внимательная ко мне? Она всегда такая? Хорошая и добрая?

Я пыталась выяснить у внучки правду о младшей дочери. Мне Аня показалась искренней, но я могла ошибаться.

— Она правда хорошая, бабушка. Только…

— Только?

— Только сейчас она явно к тебе подлизывается, бабушка, — ответила, хитро улыбаясь, Люда. — Чтобы ты разрешила ей учиться в этом… как его… — Девочка нахмурилась. — В ститyте.

— В институте?

— Да.

— И зачем ей это?

— Она хочет стать доктором, а ты против, бабушка.

Я не успела задать следующий вопрос, отчего была против, как на пороге спальни опять появилась Анна.

— Матушка, насчёт обеда я распорядилась, сейчас кухарка всё соберёт. А я вот зачем пришла. Владимир Львович внизу дожидается. Спрашивает, нужен ли он вам сегодня или нет?

— И кто это? — ляпнула я не подумав. И тут же нахмурилась, увидев недоумение на лице Анны. — Прости, мне что-то нездоровится, голова какая-то дурная, не понимаю, что говорю.

Людочка сразу же сообразила, как помочь мне. Быстро подошла и наклонилась.

— Это друг нашей семьи, бабушка, — шепнула мне на ухо Люда спасительное объяснение. — Ты так этого Владимира Львовича называешь.

— А, друг семьи, понятно, — кивнула я, понимая, что это очередной прихлебатель богатой дамочки Нины Георгиевны решил высказать своё почтение оттого, что я жива. — Передай ему, Аня, что в ближайшее время он мне не нужен.

— Я поняла, матушка. Тогда Владимир Львович может уехать в Москву? Ему туда срочно по делам нужно.

— Да пусть едет, мне-то что? — пожала я плечами.

Аня понимающе кивнула и вышла. А я придвинулась к внучке и тихо сказала:

— Ну что, зайчонок, расскажешь мне всё о домочадцах? Ты ведь наверняка всё про всех знаешь.

Глава 8

Обрадованная тем, что бабушка хотела знать всё, а может, и оттого, что я оставалась жива, Людочка с энтузиазмом принялась рассказывать всё, что знала.

У Нины Георгиевны было два сына и две дочери. Правда, младший сын давно умер, и именно он был отцом Людочки.

Девочка даже принесла откуда-то чёрно-белую семейную фотографию в костяной рамке. Как я поняла, она была сделана на мой последний юбилей. На ней было запечатлено около дюжины человек, и внучка тыкала в каждое лицо пальчиком и говорила обо всех, что знала. Но знала она не так уж и много.

Только то, что пузатый господин с бакенбардами был отцом всех моих дочерей и сыновей, но сейчас он жил с какой-то «чучундрой», так, оказывается, говорила Нина Георгиевна, то есть я, о рыжей девице, той самой, что висела на локте злого Михаила. Наверняка это был мой первый муж. Но Людочка не знала о том, а я была уверена на сто процентов. Оставалось лишь выяснить, кто кого бросил: я его или он меня ради этой рыжей смазливой девицы.

Старшая дочь Клавдия была вдовой и имела маленького сына, который жил с нами в небольшой детской при её спальне.

Сын Антон не был женат, но постоянно не ночевал дома и приходил только под утро. Что навело меня на мысль, что он проводит ночи или в кабаках, или у какой-то дамы.

Младшая дочь Анна очень хотела учиться на доктора, но я ей отчего-то запрещала это, говоря, что это «дурная» профессия для богатой девушки.

Отец Людочки звался Осип, и он умер, когда ей было всего три года. Потом от чахотки умерла её матушка, и девочка попала в приют. А полгода назад я приехала и забрала Людочку оттуда.

— Почему же я не забрала тебя раньше, внучка? И почему вы с отцом и матушкой не жили в этом доме? — спросила я девочку.

— Не знаю, бабушка. Но дядя Антон говорит, что я дочка упавшей женщины и какой-то ублюдок.

От этих слов меня прямо покоробило. Этот мой сынуля вообще мог говорить о ком-то хорошо? Или только «гуано» изрыгалось из его рта?

— Сам он уб… — начала я недовольно и запнулась на полуслове. — Ты это слово забудь, Людочка, оно очень скверное, и говорить его хорошей девочке не стоит. Ты никакая не… ты моя внучка, и это главное. Поняла меня, дорогая?

— Да, бабушка.

Конечно, Людочка неверно услышала, наверняка Антон имел в виду «падшая» женщина. Похоже, мой младший сын остался неженат, и Людочка была незаконнорождённой. Возможно, оттого Осип и не жил с нами. Наверняка жестокосердная мамаша Нина выгнала его из дома за связь с этой падшей женщиной, оттого Люда и оказалась в итоге в жутком приюте.

После обеда я разделась и легла немного подремать. У меня раскалывалась голова и чуть подташнивало. Наверняка сказывалось то, что это тело для меня было новым и непривычным, а утро выдалось неспокойным.

Людочка осталась со мной в спальне и, притащив книгу, штудировала, как я поняла, азбуку. Проснулась я оттого, что в дверь тихо постучали.

— Матушка, Борис Евсеевич приехал, — сообщила Аня, заглядывая в спальню. — Вы отдыхаете?

— Уже нет, как видишь, — ответила я, садясь на постели. — И что ему нужно?

Аня подала мне пеньюар.

— Как же, пусть осмотрит вас. Всё же вы были едва живы ещё вчера, — осторожно предложила дочка. — Он же лучший доктор в нашем околотке.

Значит, приехал доктор.

Я дала Ане согласие, и уже через минуту вошёл полный господин в пенсне и с чемоданчиком. От него прямо воняло лекарствами, а вид его был не совсем опрятный. Он отдал шляпу и плащ Ане.

— Так-так, Нина Георгиевна, дорогуша, как вы нас сегодня удивили своим «воскресением», — заявил доктор, ставя чемоданчик на стул и подходя ко мне. — Я ведь и бумагу медицинскую позавчера выдал, что освидетельствовал вас как покойную, а вы сегодня, как вошли в гостиную, прямо второе пришествие получилось, прости, Господи. Давайте я послушаю вас.

— Может, руки для начала вымоете, сударь? — спросила я, приподняв бровь.

Что-то я впервые видела врача, который приходил с улицы и даже не удосужился ополоснуть их.

— Ах да, запамятовал, — ответил он, подходя к кувшину с водой и тазом, стоявшим на небольшом столике сбоку. Аня полила ему из кувшина, пока он мыл руки.

«Запамятовал — плохое качество для доктора, — подумала я. — Ещё какую таблетку перепутает да не вспомнит». В общем, этот эскулап мне сразу не понравился.

Я позволила ему себя послушать трубкой, потом показала язык, глаза, уши.

— Вижу, что выглядите вы не очень, Нина Георгиевна. Пропишу вам, пожалуй, снова постельный режим, на неделю минимум.

— В смысле на неделю? Нормально я себя чувствую, Борис Евсеевич, даже голова сейчас не болит.

— Но с вашими болезнями надо всё же поберечься, на всякий случай, дорогуша.

— Это какими же болезнями? — удивилась я.

У меня вроде ничего не болело, только немного, как и утром, поднывала поясница.

— Как какими? Ревматизмом, хронической диареей и постоянными мигренями. А ещё ножные судороги, и ноги едва двигаются, позабыли? И разве сегодня вас не тошнит?

Боже, я даже удивлённо округлила глаза. Это что, все мои диагнозы? Неужели в свои пятьдесят я уже даже ходить не могла? Или это какая-то насмешка доктора? Но я себя нормально сейчас чувствовала.

— Лежать в постели я не собираюсь, — ответила я тут же, возразив. — И выгляжу я просто уставшей, но явно не больной.

— И голова не кружится? А колики желудочные?

— Нет.

— Странно. Но всё же продолжайте принимать те пилюли и лекарства, что я вам прописал. Анна, присмотри за тем, чтобы Нина Георгиевна всё принимала как надобно.

Доктор указал на небольшой серебряный поднос, стоявший на моей прикроватной тумбочке. Он был полон каких-то пузырьков, порошков в бумажных фантиках и баночек.

— Исполню, Борис Евсеевич.

Я же на это промолчала и постаралась побыстрее выпроводить доктора вон. Что-то в его компетенции я очень сомневалась. Снова присев к зеркалу, я отметила, что у меня даже цвет лица после сна стал приятный и появился румянец.

Обернувшись к Ане, я велела:

— Аня, убери все эти банки-склянки подальше. Я ничего принимать не буду.

— Но матушка, а если…

— Ничего со мной не случится, — перебила я дочь. — И вообще, если беспокоишься обо мне, найди другого доктора, этот мне не нравится. Неприятный тип, явно не видит, что мне стало лучше.

В этот момент в комнату вошёл молодой человек.

— Ниночка, ангел мой, как ты? — спросил Аркадий. — Я распорядился, чтобы ужин принесли сюда. Ты же, наверное, все ещё себя неважно чувствуешь?

Они что, сговорились? Что доктор, что теперь этот Аполлон, мой муженёк. Нормально я себя чувствовала. Или они специально пытались выставить меня больной и немощной?

— Ничего нести не надо. Я спущусь к ужину.

— Как, рыбонька? Спустишься в столовую? — воскликнул удивлённо Аркадий.

От слащавого «рыбонька» меня даже передёрнуло.

— Именно, и выйди, пожалуйста. Аня и Людочка помогут мне одеться. Хочу поужинать со всей семьёй.

Глава 9

Едва мы остались одни с Аней и Людочкой, я опять оглядела себя и снова ощутила этот противный старушечий запах. Он исходил от меня.

— Но до ужина я бы хотела принять ванну или душ, — заявила я, оборачиваясь к Ане.

— Ванну, матушка? Но вода не успеет прогреться в дровяном баке, чтобы вы помылись. До ужина осталось всего полчаса.

— Действительно, что-то я не подумала об этом, — вздохнула я. Все же я была не в XXI веке, где сразу же из крана лилась горячая вода. — Но я ощущаю себя такой грязной.

— Понимаю, почти три дня лежали тут, и... — начала Аня и тут же замолчала. — Но знаете, что, матушка? Сейчас я велю принести ведро воды из кухни, у них всегда есть горячая вода. Попрошу, чтобы Рита вас просто ополоснула по-быстрому, а уже после ужина ванну примете.

— Хорошая мысль, — согласилась я с дочерью. — Распорядись, пожалуйста, Аня, а я пока посмотрю, что мне наделать на ужин.

Как и обещала Аня, вскоре пришла Рита с большим ведром тёплой воды. Та самая служанка, которая упала в обморок при виде меня днём. Она была опрятно одета и молода.

— Простите меня, Нина Георгиевна, что я так непочтительна к вам была, закричала вам в лицо, да ещё и в обморок упала. Просто удивили вы меня сильно.

Я заявила, что ничего страшного, и прошла за Ритой в небольшую комнатку, расположенную у выхода из моей спальни.

Здесь оказалась ванная. Небольшая, но очень эстетичная. Тут были и раковина, и унитаз, только бочок почему-то висел под потолком, и от него болтался длинный шнурок почти до пола, а ещё рядом стояла большая ванна, металлическая, с высокими краями.

Рита постелила на дно ванны небольшое полотенце и помогла мне раздеться и забраться туда. Затем намылила меня и после поливала из кувшина. Эта процедура мне совсем не понравилась. В ванной было холодно, и я ёжилась. Рита, видя это, заявила:

— Потерпите, Ниночка Георгиевна, холодно тут. Но вечером я тут всё натоплю и ванну вам нагрею. Как положено, помою вас.

Когда я вышла из ванной в махровых тапочках и обёрнутая в большую длинную простыню, Аня уже приготовила мне одежду. То самое бордовое платье, что я выбрала чуть ранее. Дочка уже подобрала мне к нему бельё, пояс для чулок, сами чулки и туфли. За что я была благодарна. Всё же я не очень разбиралась в моде этого времени, и что надо было надевать и как, не знала.

— Рита поможет одеться вам, матушка, — сказала Аня. — А мы с Людочкой пойдём, тоже переоденемся к ужину. Увидимся внизу.

Я поблагодарила девочек и пошла отдаваться в руки Риты. Горничная помогла мне одеться, а потом спросила:

— Как вас причесать, Нина Георгиевна?

— По-быстрому, — ответила я кратко.

— Тогда, может, в волосы тиару с аметистами к этому платью? Она вам очень к лицу.

— Нет. Давай что-нибудь попроще, без аметистов.

— Как прикажете, тогда просто заколю вам волосы на затылке и небольшой гребень, как украшение.

Конечно, насчёт гребня я сомневалась, на слух казалось, это что-то старушечье. Но гребень оказался из белой слоновой кости, ажурный и очень красивый, настоящее украшение для волос. Потому я согласилась.

Когда я осмотрела себя в зеркале после облачения, мой вид показался мне вполне приличным. Ну, если можно было прилично выглядеть с неухоженными седыми волосами, с синяками под глазами и бледной сухой кожей, за которой никогда, похоже, не ухаживали.

— Рита, приготовь к вечерней ванне мои кремы и бальзамы для волос и кожи.

— Ваши кремы? Но где ж их взять?

— В смысле? У меня что, нет крема для лица даже? Прости, Рита, у меня что-то с памятью, много чего вспомнить не могу.

— Бывает, Нина Георгиевна. Вы же долго головой болели-то.

— Неужели? Так что с моими кремами?

— Так нет же их. Вы же ещё год назад велели всё выкинуть, потому что доктор сказал, что кремы дурно влияют на кожу, оттого у вас и морщины многие.

— Уж не Борис ли Евсеевич так сказал? — подозрительно спросила я.

— Он самый. А ещё он вам прописал уриной умываться и подмываться, чтобы болезней всяких не было, ну, вместо кремов и бальзамов всяких.

— Что? Уриной? Мочой, что ли?

— Да, Нина Георгиевна. Мы как раз вылили её всю, что в запасах была. Когда померли-то… Ой, простите, не то я сказала.

— И верно сделали. Никакой больше урины я использовать не буду. А этого тупого эскулапа Бориса Евсеевича на порог не пущу.

— Но Борис Евсеевич говорит, что лечение уриной — это новый передовой метод, очень популярен сейчас.

Передовой метод?

Обалдеть просто!

Ни в какую уринотерапию я не верила. Если организм выводит мочу из себя, значит, она не нужна была в теле и не могла принести никакой пользы. Организм человека уникально умное творение и сам прекрасно знает, что ему нужно, а что нет.

— Пусть он сам ей и лечится, Рита, — высказалась недовольно я. — Неудивительно, что от меня воняет, как от старой навозной кучи!

С этими словами я вышла из своей спальни и направилась вниз. Куда идти, я уже знала, но всё равно смотрела по сторонам. Решила после ужина обязательно пройтись по особняку, осмотреть тут всё.

Когда я вошла в лиловую столовую, всё семейство уже было в сборе. Дочери сидели на диванчике сбоку, Аркадий говорил о чём-то с моим старшим сыном Антоном у окна, а ещё какой-то мальчик лет шести тыкал кочергой в дрова в камине. Наверное, это был ещё один мой внук, сын Клавдии.

За мной в просторную комнату влетела Людочка и выпалила:

— Бабушка, прости, пожалуйста, я чуть припоздала!

— Могла и вообще не приходить, босячка. Никто тут тебя и не ждёт, — буркнул Антон, подходя к столу.

Людочка испуганно замерла на месте и тут же отошла в сторонку, присела на дальний диван.

Мне это всё очень и очень не понравилось. Поэтому я решила сразу же расставить все точки над i.

— Людмила — моя внучка, — произнесла я строго. — И имеет такое же право находиться и жить в этом доме, как и вы все. И прошу впредь не отзываться при мне о ней плохо или в гнусном ключе. Я ясно выражаюсь, Антон?

Сын метнул на меня очередной злобный, невольный взгляд и ответил:

— Как скажешь, матушка.

— Это всех касается, — ответила я, обводя всех предостерегающим взглядом.

Не успела я пройти дальше, как около меня «нарисовался» лысый, круглолицый господин. Незнакомый, с желтоватым лицом и маленькими поросячьими глазками. Какой-то невыносимо отталкивающий на вид.

— Нинель, прости, что без приглашения приехал к вам на ужин, но сегодня днём тут такая суета была, — произнёс он чуть заикающимся голосом, назвав моё имя на французский манер.

— Ещё бы, — заявила я, думая, что моё «воскресение» точно вызвало суету вокруг.

— Мне так нужно с тобой переговорить об одном очень важном деле.

— О чём же, сударь? — спросила я недоумённо.

— Нинель, что же ты так официально ко мне, я всё же твой брат, — заявил он, целуя мне руку.

— Хорошо, после ужина поговорим, так и быть, — кивнула я, отмечая странный взгляд этого брата.

Глаза у него бегали, а руки тряслись. То ли он пил без меры, то ли боялся чего.

Ко мне медленно приблизилась Клавдия, вставшая с диванчика, и прошептала на ухо:

— Матушка, вы бы дядю Модеста гнали взашей. Ведь и дураку ясно, он пришёл снова денег у вас клянчить. Поди, опять в карты проигрался.

— Возможно, — кивнула я, оглядывая этого неприятного лысого господинчика.

Глава 10

Я подошла к столу. Не могла понять, что дальше делать. Никто за стол не садился, а все как-то внимательно смотрели на меня. От конфуза меня спасла высокая женщина, похожая на прислугу в строгом сером платье, белом длинном переднике и с простой причёской, стоявшая у входа рядом с лакеем и служанкой в переднике. Она приблизилась ко мне и тихо спросила:

— Прикажете подавать ужин, Нина Георгиевна? А то всё остынет.

— Да. Подавайте, — кивнула я, и тут меня осенило, чего все от меня ждут. Как-то видела подобную сцену в старом фильме. — Прошу всех к столу.

— Как же без вашего ценного замечания, Лариса Самсоновна, — ехидно произнесла Клавдия в сторону женщины.

Услышав её имя, я сразу поняла, что женщина в сером — моя экономка, старшая над прислугой в доме и главная по хозяйственной части. Про неё упоминала Людочка.

Тут же все начали рассаживаться. Я инстинктивно поняла, что должна сидеть во главе стола и подошла к нужному месту. Немедля рядом оказался Аркадий и отодвинул стул за мной. Уже подвигая его обратно, шепнул мне на ухо:

— Ты сегодня отрада для глаз, рыбонька моя. Это платье тебе очень к лицу.

Эти дифирамбы от молодого муженька меня просто раздражали. Нет, я любила комплименты от мужчин, но только если они были искренни. В устах же этого Аполлона ничего искреннего не было.

— Садись уже, Аркадий, — велела я недовольно, словно отмахнувшись от назойливой мухи.

Ужин подавали чинно, не спеша, каждое блюдо по порядку. Стол тоже был накрыт как «в лучших домах Ландона». Белоснежно-накрахмаленные скатерти, тканевые салфетки с вышивкой, серебряные приборы, дорогой хрусталь и белый фарфор.

На первое подавали бульон, довольно наваристый, слегка заправленный овощами, в нем было много специй, но вкус оказался отменным. Моя кухарка готовила прекрасно, это я отметила ещё с обеда в своей спальне.

Прислуживали за столом главный лакей и невысокая расторопная девушка-служанка. Лариса Самсонова снова заняла своё место у входной двери и опять стала незаметной. Но я видела, что она следила за слугами, чтобы они всё делали верно.

По правую руку от меня сидел муж, по левую — Антон. Далее расположились мои дочери и брат. Дети заняли места напротив.

К каждой перемене блюд меняли тарелки, и лакей умело подливал всем в бокалы напитки. Я и дети пили домашний лимонад, больше похожий на простую лимонную воду с сахаром. Аркадий и Клавдия — белое сухое, Антон наливал себе французский коньяк.

Первую перемену блюд за столом царила тишина. Даже какая-то траурная. Я не знала всех тонкостей этикета этой эпохи, но мне почему-то казалось, что за столом всё же принято неспешно вести беседу. Но я могла ошибаться. Мало ли что там снимали в исторических фильмах, в реальности всё могло быть и по-другому.

В какой-то момент Людочка нечаянно уронила ложку на пол. Испугалась, и тут же все взгляды устремились на неё.

— Ой! Простите, — прошептала она, вскакивая со стула и поднимая ложку.

— Людмила, для это есть слуги! — тут же одёрнула её Клавдия как-то высокомерно. — Положи прибор и сядь на место.

Девочка испуганно сжалась. К ней быстро приблизилась Лариса Самсоновна и забрала у неё упавшую ложку, улыбнулась девочке.

— Присядьте на ваше место, Людмила Осиповна, — успокаивающе сказала она. — Я уберу.

Люда кивнула ей, и снова уселась, деловито поправила на горле салфетку.

— Я тебя всему этому учила уже сто раз, Людмила, — наставительно продолжая Клавдия, зыкая строго на племянницу.

— Что ты хочешь от дочери циркачки, сестрица? — желчно заметил Антон и театрально вздохнул. — Дурака учить — только портить. И мы должны на всё это безобразие смотреть.

Я грохнула серебряной вилкой о фарфоровую тарелку с такой силой, что все испуганно замолчали и посмотрели в мою сторону.

— Довольно! Я, по-моему, предупреждала насчёт Людочки? — произнесла я жёстко. — Или мои слова в этом доме пустой звук? Если тебя что-то не устраивает в поведении ребёнка, Антон, можешь встать и выйти вон!

Сын тут же надулся и нервно схватил свой бокал с коньяком, отпивая из него.

— Ниночка, не нервничай так, — начал успокаивать меня Аркадий. — Доктор велел тебе беречь нервы.

— Мои нервы в порядке, муж. А вот некоторым надо действительно усмирять свою беспричинную агрессию, которая мне уже надоела.

Я намекала на старшего сына, и все это прекрасно поняли.

Опять за столом воцарилось гнетущее молчание, и Лариса Самсоновна тихим шёпотом приказала в открытую дверь:

— Пироги со щукой несите к бульону-консоме! Где они?

Через пару минут в столовую вошла рябая девица с бледным лицом, таща большое блюдо с пирогами. Она быстро поставила его на стол и хотела уже выйти. Но едва я увидела эту девицу, то тут же вспомнила её лицо с выпученными глазами. Это была одна из тех служанок, которых я увидела, едва пришла в себя в этом теле.

— Постой-ка, дорогая! — окликнула я невольно девушку. — Кажется, тебя Зина зовут?

— Нет, хозяйка, Марья.

— Я немного спутала, — ответила я и обратилась уже к экономке: — Лариса Самсоновна, вы не могли бы пригласить сюда ещё и Зинаиду? Она же сегодня в доме?

— Да, Нина Георгиевна. Где же ей ещё быть...

Едва обе девицы оказались в столовой и как-то испуганно смотрели то на меня, то на экономку, я заявила:

— Этих двух девушек рассчитать немедленно, Лариса Самсоновна. Выплатить им всё, что причитается, и уволить. Я не хочу видеть их у себя в доме.

Глава 11

Я прекрасно помнила имена этих девиц и их разговор обо мне. Когда они думали, что я умерла, какие гадости говорили обо мне. И терпеть подобную прислугу в доме я не желала. Не удивлюсь, если это кто-то из них и душил меня подушкой. За такими не заржавеет.

— Но за что, Нина Георгиевна?! — завопила испуганно Зина. — Мы же ничего не сделали.

— Вы знаете за что. За непочтительное и неуважительное отношение ко мне.

— Как? — удивилась Лариса Самсоновна. — Такое и впрямь было, Зинка? Вы посмели оскорбить Нину Георгиевну? Мало я вас, что ли, гоняла да уму-разуму учила? Всё не впрок, видать.

— Не делали мы ничего, — простонала сквозь слёзы Марья. — Оставьте нас, пожалуйста, Нина Георгиевна.

— Нет.

— Но нам некуда пойти, — хныкала вторая девица.

— Мне это безразлично. Лариса Самсоновна напишет вам хорошие рекомендательные письма, и вы уйдёте.

— Но можно остаться хотя бы на неделю, чтобы найти другое место? — спросила несчастно Марья.

— Можете. Но только на неделю. Не больше. Вы всё поняли, Лариса Самсоновна?

— Как же не понять, Нина Георгиевна, — кивнула экономка и шуганула девиц, чтобы они покинули столовую. — Всё исполню, как велите.

— И отныне так будет с каждым, кто посмеет не уважать меня в моем собственном доме. Я ясно выражаюсь, дорогое семейство?

Когда стенающие о несправедливости девицы вышли, я отметила напряженные и удивлённые лица домочадцев.

И что такого?

Неужели Нина никогда не выгоняла нерадивую прислугу? Или они испугались и за свои шкурки?

Верно, пусть боятся, может, уважать начнут.

А то в собственном доме подушками душат! Неслыханно!

Я, конечно, уже перегибала палку, но чувствовала, что делаю всё верно. Пора было «завернуть гайки». Я была не прежняя Нина. Оттого терпеть наглость прислуги, гадости от сына и глупые советы доктора больше не собиралась.

Все должны были это понять. Со дня своего «воскрешения» я изменилась. Точнее, Нина Литвинова стала другой.

Я видела на лицах окружающих недоумение, удивление и даже осуждение. Они словно увидели меня впервые. Но вроде все начали осознавать, что во мне произошли перемены.

Именно так. Пусть все уяснят — прежней Нины уже не будет.

На второе подали жареную осетрину с лимоном и соусом, нарезанные овощи и сыры.

Чтобы разрядить нервозную обстановку, я решила обратится к сыну, вспомнив об одном очень важном деле, которое надо было решить как можно скорее.

О моих наследниках.

Насколько я помнила, адвокаты до революции назывались поверенными, но я могла и ошибаться. Потому осторожно произнесла:

— Антон, хотела попросить тебя. Пригласи ко мне нашего поверенного, желательно завтра утром. Хочу обсудить с ним кое-какие вопросы.

А про себя подумала: «Только бы верно назвала его». Но сын сразу понял, о ком я говорю, и ответил:

— Завтра, матушка? Но, насколько я знаю, Владимира Львовича нет в столице. Он только сегодня отбыл в Москву на ежегодную промышленную выставку.

Впервые я отметила, что сын ответил мне спокойно и даже как-то уважительно. В его тоне не было прежнего ехидства или издёвки. Потому я тоже ответила ему довольно мирно:

— Как же так? Мне он срочно нужен.

— Матушка, — тут же вмешалась Анна. — Владимир Львович же спрашивал вас сегодня, нужен ли он вам в ближайшие дни. Вы сказали нет. Я ему так и передала. Он и уехал.

— Вот блин, — тихо прошептала я себе под нос.

Точно! Аня же говорила, что этот господин дожидается внизу, но я подумала, что это один из просителей или прихлебателей богатой Нины, и не захотела его видеть. А это, оказывается, был наш адвокат, Владимир Львович! С которым я жаждала поговорить, едва попала в тело Нины.

Надо же так облажаться. Единственный нужный мне позарез человек, и я отпустила его на эту выставку. Как теперь узнать о наследниках и о всех делах семьи с юридической точки зрения?

Вот я села в лужу так села.

Я расстроилась и подумала, что с этого момента буду сначала узнавать, что за человек передо мной, а потом уже решать, говорить с ним или нет.

— И когда он вернётся?

— Только через неделю, матушка, — ответил Антон.

— Как долго! А нельзя его как-то вернуть обратно?

— Как же, Ниночка? Если только за ним кого послать? — предложил Аркадий.

— Можно позвонить по телефону в гостиницу, где он остановился, и вызвать обратно! — предложила Аня. — Сейчас же у нас такая удивительная вещь есть в доме — телефон!

— Как ты верно вспомнила, Аня, — закивала я. — Надо позвонить ему. Попрошу вернуться пораньше, раз сама так оплошала.

— Главное, чтобы поезд уже доехал до Москвы, а то в гостинице его и не застать будет.

Глава 12

В этот момент Лариса Самсоновна, увидев, что все доели второе блюдо, распорядилась подать третье: буженину под луком с тушёной капустой.

— Матушка, хотел уведомить тебя о том, что мы решили поменять всю мебель в главной парадной зале нашей гостиницы, — заявил важно сын, отрезая кусок мяса. — Это на тот случай, если многоуважаемый Владимир Львович и казначей твой, Валериан Иванович, будут жаловаться, что опять мы деньги расходуем не туда.

— А Владимиру Львовичу какое дело до этого? — удивилась я.

— Ты же сама велела ему контролировать все ваши дела, вот он везде и сует свой нос, — недовольно буркнул Антон.

— Да, мой ангел, Антон прав. Там интерьер так устарел, надо было его непременно обновить, — добавил Аркадий. — Всё же наша гостиница одна из самых престижных в городе. Будет очень неприятно, если братья Макаровы со своей «Митрополией» обойдут нашу «Императрицу».

Я даже зависла на миг с вилкой в руке. Окинула взглядом Антона и мужа.

У нас что, гостиница? Своя собственная? У нашего семейства? Да ещё одна из самых престижных в столице, как сказал Аркадий.

Ух ты, как классно!

Наверняка она приносила хороший доход, оттого-то, видимо, и появились мои миллионы. Надо было, конечно, более подробно узнать всё у Владимира Львовича. Как же он нужен был мне сейчас!

А ещё я поняла, что гостиницей занимались мой сын и муж. Ну хоть чем-то, а не бездельничали.

— И много денег потратили? — спросила я подозрительно.

— Наверняка, сестрица, всю месячную прибыль туда спустили, негодники, — вдруг подал голос Модест. — На гостиницу эту проклятущую!

— Вам, дядюшка, какое до этого дело? — огрызнулся в сторону моего брата Антон. — Вас нет в управляющих гостиницей, и не вам решать, на что тратить прибыль «Императрицы».

— Так сколько, Антон? — спросила я снова.

— Точно не помню. Всё в учётных книгах у Валериана Ивановича записано. Завтра должны всю мебель уже установить. Можешь сама заехать и посмотреть, как там стало всё шикарно.

— Хорошая идея, сын. Думаю, завтра поеду в город, — заявила я. — Мне надо в модные салоны, парикмахерскую и другие магазины. Заодно могу и в гостиницу заехать. Надеюсь, Клавдия и Анна будут сопровождать меня?

Я понимала, что совершенно ничего не знаю об окружающей действительности: где эти магазины находятся и как в них расплачиваться и покупать. Но мне просто необходимо было привести себя в порядок. Купить нормальной косметики, одежды и остального. Всё же деньги у меня имелись, и нужна была только небольшая помощь, чтобы узнать, где всё это приобрести. Ведь всяких вайлдберрисов, озонов и интернетов тут не было.

— Да, матушка, я съезжу с вами, — тут же согласилась Анна.

Клавдия какое-то время молчала, и я перевела на неё взор.

Старшая дочь Нины была, конечно, красавица: с чёрными блестящими волосами, светлыми глазами с поволокой, полноватыми губами и царственной статью. Неудивительно, что она рано вышла замуж и уже к своим двадцати пяти годам имела шестилетнего сынишку.

— Я, к сожалению, занята, матушка, не смогу, — заявила Клавдия после минутного молчания.

Категоричный ответ Клавдии мне не понравился.

— Чем же ты занята, дочь?

— Повезу Сашеньку к его бабушке, у неё торжество — семьдесят лет. Я же говорила вам, матушка. Вы ещё согласие дали.

— Да? Ну да. Что-то я позабыла, — ответила я, понимая, что Клавдия говорит о матери своего покойного мужа.

— Или вы опять передумали? И мне ехать нельзя? — спросила она с таким вызовом, что я даже поморщилась.

— Отчего я должна передумать?

— Оттого, что раньше вы были против всего, что касалось Сергея и его матушки в том числе.

— Раньше было раньше. Торжество — дело хорошее. Надо уважить женщину.

— Матушка, даже не верится, что это говорите вы, — опешила Клавдия. — Может, тогда вы разрешите мне навещать Ольгу Спиридоновну? Ну, хоть раз в неделю? Чтобы Сашенька лучше узнал свою вторую бабушку?

— Конечно, почему нет.

— Благодарю, матушка.

Клавдия в этот миг так трагично и как-то потрясённо смотрела на меня. И вдруг расплакалась. Такой реакции от неё я не ожидала. Она тут же схватила салфетку и, приложив её к глазам, извинилась и выбежала из столовой.

— А что, собственно, я такого сказала? — удивилась я.

Все промолчали, а у меня сложилось стойкое ощущение, что была какая-то трагедия в жизни моей старшей дочери, и связана она именно с её бывшим мужем Сергеем.

Глава 13

После сытного ужина я отправилась на осмотр своих владений. Благо за мной увязалась Людочка и водила по комнатам, рассказывая, где чья спальня и другие помещения.

В моём двухэтажном особняке оказалось двадцать с лишним комнат, не считая кухни и нескольких каморок, где жила прислуга, а ещё хозяйственных помещений на цокольном этаже дома.

На первом этаже особняка располагались две гостиные, одна из них музыкальная, с роялем и примыкающей залой для танцев, парадная столовая и небольшая камерная столовая, кабинет, библиотека, бильярдная и чайная, а также туалетная комната для гостей.

На втором этаже — десять спален, половина из которых имела свои ванные комнаты; здесь была ещё одна летняя гостиная с мезонином и портретами на стенах.

На удивление, молодой муж жил в отдельной комнате, рядом с моей. Дети располагались каждый в отдельной спальне, а Людочка и маленький Саша — в просторной детской. У них была гувернантка, как объяснила мне внучка, строгая немка-воспитательница, которая теперь находилась в недельном отпуске. Потому дети были предоставлены сами себе и несказанно радовались этому.

Все семейство после ужина перешло в гостиную для общения.

Я же, осмотрев с внучкой дом, вернулась в столовую, куда утянул меня братец Модест для разговора. Правда, мне удалось поймать в коридоре Анну, которая обещала найти телефон той гостиницы, куда уехал Баскаков Владимир Львович. Как я поняла, справочников телефонных ещё не существовало, и все переговоры приходилось вести с «барышней»-телефонисткой, которая соединяла с нужными местами, вручную переключая линии.

— Итак, о чем ты хотел поговорить, брат? — спросила я, усаживаясь в кресло в столовой.

В это время слуги убирали со стола после ужина.

— Может, пройдём в твой кабинет, Нинель? Здесь как-то неудобно.

— Отчего же? Или у тебя какая-то страшная тайна?

Я наперёд знала, что брат будет просить денег, ведь Клавдия уже предупредила. А давать их не собиралась, пока не пойму, какими финансами располагаю, и вообще, пока не разберусь со всеми тратами семейства и своей гостиницы.

Предполагала, что Модест может закатить скандал по поводу того, что денег я не дам, потому не хотела оставаться с ним наедине. Всё же при слугах в столовой он вряд ли будет вести себя несдержанно.

— Нинель, сделай милость. Дай мне немного денег. Совсем поиздержался, — произнёс Модест, когда мы на миг остались одни в столовой.

— Опять в карты проиграл? — уточнила я.

— Ты права. Никак не могу совладать с собой, руки сами к ним тянутся.

— Может, не стоит тебе посещать эти заведения, где играют? — предложила я.

— Не могу. Там мои друзья, и что же мне по вечерам делать прикажешь?

— Не знаю. Завести новых друзей и семью. Ей заняться.

— Кто ж за меня пойдёт-то, Нинель? Я ж беден как церковная мышь. Вот если бы ты дала мне какую сумму, да побольше, может, я бы и женился.

Я даже зависла на миг. Здоровый взрослый мужик просил у меня денег, чтобы жениться? Типа приданого? Это уже совсем было пошло как-то.

— Что? И как у тебя хватает наглости просить такое? — возмутилась я.

— А что? У тебя денег немерено, что, тебе с братом жалко поделиться? Не ждать же мне, когда ты снова помрёшь, — выпалил он и тут же замолчал.

Я поражённо взглянула на него.

Нифига себе! Вот прямо так в лоб и говорил, что ждёт моей смерти?

Так, надо срочно поговорить с адвокатом и выяснить насчёт этих наследников. А то, похоже, полный дом ядовитых змей, и живущих здесь, и приползающих клянчить бабки, типа моего братца. Все жаждут поживиться моими деньгами.

— Денег я тебе не дам, Модест, — отрезала я жёстко.

Обнаглел просто: приходить и клянчить деньги, да ещё заявлять, что ждёт моей кончины.

— Губишь ты меня, сестрица, без ножа режешь. Меня же в долговую тюрьму упекут, Нинель, неужели тебе совсем не жаль меня?

Хотелось сказать: «Нет. Ты сам виноват в своём положении».

В этот момент в комнату заглянула Аня.

— Матушка, барышня соединила с гостиницей в Москве. Вы хотели поговорить с Владимиром Львовичем.

Я ухватилась за спасительную соломинку, чтобы избавиться от навязчивого недовольного братца, и поспешила прочь из столовой, бросив ему через плечо:

— Прости, Модест, но я всё сказала. Денег не дам. Сам решай свои проблемы.

Быстро направилась в кабинет за Аней.

Когда приблизилась к телефонному аппарату, я немного растерялась. Выглядел он незнакомо. Точнее, я видела нечто подобное на старинных фото начала XX века. Но не знала, как обращаться с такой штуковиной.

Отдав мне небольшую чёрную воронку на шнуре, Аня хотела выйти, чтобы не мешать. Но я тут же воскликнула:

— Анюта, помоги мне, что тут нажимать? Я никак не могу запомнить, что тут и как.

Я смотрела на старинный телефонный аппарат: круглый внизу, с вращающейся ручкой сбоку и недлинной палкой, а на конце — большой круглой воронкой. Вроде смутно представляла, что в эту воронку надо говорить, но не была уверена.

— Не надо ничего нажимать, матушка, — ответила Аня спокойно, снова подходя ко мне. Снова подала мне другую круглую воронку на гибком шнуре, что крепилась сбоку аппарата. — Это к уху приложите. А вот в это отверстие говорите. Владимир Львович уже на проводе, слушает вас.

— Ах да? — удивилась я. Сделала, как велела дочка. Приложила к уху воронку на шнуре, а ко второй, стационарной, наклонилась и громко спросила: — Владимир Львович, вы слышите меня?

— Я у аппарата, Нина Георгиевна! — раздался громкий мужской голос.

От неожиданности я даже вздрогнула, отодвинув вторую воронку подальше от уха.

Однако голос Баскакова был довольно приятен на слух. Во второй круглой воронке, кроме голоса, слышались ещё какие-то шумы. Помехи. Телефонная связь только появилась и явно была ещё несовершенной[1].

[1] ***Историческая справка.*** 31 декабря 1898 года в Российской империи открылась первая междугородняя телефонная линия Санкт-Петербург — Москва. На тот момент она была самой длинной в Европе — 660 километров.Процесс звонка проходил так**:** абонент вращал ручку индуктора, после чего на противоположном конце провода возникал голос телефонистки. Ей сообщали номер собеседника, она соединяла номера, и, если второй абонент оказывался дома, начинался разговор.Первая модель телефонов была громоздкой и ненадёжной. На аппарате не было диска и кнопок, а говорить приходилось в большую круглую воронку, ко второй прикладывать ухо. Микрофон находился внизу, и чтобы собеседника услышали, нужно было не только произносить слова громко и членораздельно, но и наклоняться.

Глава 14

Я помахала Ане, чтобы она осталась со мной. Вдруг этот странный аппарат заклинит. А у меня очень важный разговор.

— Здравствуйте, Владимир Львович. Когда вы сможете вернуться в столицу? Вы нужны мне по очень важному делу.

— Но я ведь только приехал сюда, Нина Георгиевна. Вы сказали, что пока не нуждаетесь в моих услугах, я же спрашивал.

Он говорил возбуждённо, но без наезда, просто, видимо, считал меня взбалмошной дамочкой, которая не знает, чего хочет. И я понимала его. Сама сначала разрешила уехать, а не прошло и суток, как требовала вернуться.

— Утром не нужны были, сейчас понадобились, — попыталась я выкрутиться, чтобы мои поступки хоть как-то были логичны.

— Нина Георгиевна, выставка только завтра открывается. Дайте мне хотя бы два-три дня осмотреть тут всё.

— Три много. Дня не хватит?

— Я же не гулять сюда приехал. По-вашему же поручению. Мне нужно время.

Какое такое моё поручение? Ладно, узнаем попозже. А то тут ушей полный дом.

Говорил Владимир Львович так властно, твёрдо и явно не собирался по первому моему свисту всё бросить и бежать, куда я велела. Точно мужчина, уверенный в себе и в своих действиях.

— Хорошо. Три дня даю вам, — милостиво согласилась я. — В пятницу жду вас обратно.

Подумала, что найду, чем себя занять. Все же у меня было полно дел: и с родней все выяснить, и с моим жутковатым внешним видом что-то сделать.

— Приеду после обеда. Так-то шестьсот вёрст до столицы, — ответил поверенный.

Да, шестьсот вёрст тогда и шестьсот километров сейчас — это большая разница. Даже на поезде, видимо, не так быстро.

— Договорились, Владимир Львович. Жду вас в пятницу. Как приедете, сразу ко мне!

— Я понял, Нина Георгиевна. Буду в пятницу.

Соединение прекратилось, и я отдала Ане воронку.

— Спасибо, дочка. Ты очень помогла мне.

Когда я поднялась в свою спальню, расторопная Рита уже готовила мне ванну. Просто умница. Сказала ей всего-то раз, а она всё прекрасно запомнила и исполняла.

На кровати уже лежал мой пеньюар и тапочки, видимо, чтобы следовать в ванную комнату.

— Ниночка Георгиевна, ванна почти готова, только воду чуть разбавлю, и готова, — отчиталась горничная, выглядывая в спальню из ванной.

— Рита, ты что положила в воду?

— Только немного мыльного раствора.

— И всё? Хотелось бы каких-нибудь ароматных средств ещё. Разве их нет?

— Но как же? Вы же всегда против были. Ароматы у вас головную боль вызывали. Не нравились.

— Да? Странно.

Я с детства любила принимать ванну с разными пахучими средствами: ароматными пенами, различными солями и аромамаслами. Сначала меня баловала так мама, я была у неё единственной и любимой дочкой. Потом и сама себе делала.

Я подошла к зеркалу, расстёгивая верхние пуговицы душного, неудобного платья. Снова оглядела очень сухую кожу своего лица и шеи, на щеках какие-то красные пятна, верх груди вообще шелушился. Надо было что-то делать с кожей. И немедленно.

— Если хотите, я к Клавдии Михайловне сбегаю, возьму у неё пахучие мешочки с травами для ванной. У неё всегда есть, — предложила Рита.

«Хорошая горничная», — подметила я, быстро схватывала, что мне надо.

— Сходи, пожалуйста. И ещё принеси мне с кухни стакан тёплого молока и мёд. И миску, чтобы всё это смешать.

Рита понятливо кивнула и умчалась исполнять, на ходу прикрыла дверь ванной, чтобы, видимо, не выстужать её. Всё же в доме было немного прохладно. Как я поняла со слов Анны, мы почему-то экономили на отоплении, ибо оно было безумно дорогим. Но почему экономили, она не знала. Сказала, что это моё распоряжение.

Я же вознамерилась прямо сейчас, не откладывая, сделать маску на лицо. И мёд с молоком прекрасно для этого подходили. Мёд заживлял и разглаживал кожу, молоко увлажняло и наполняло питательными жирами клетки. Ещё в детстве моя прабабушка, когда я гостила у неё в деревне, научила меня этой простой маске для лица. Ведь в деревне не пользовались кремами, а делали увлажнение из подручных средств.

Пока не купила хорошей косметики и кремов, буду довольствоваться этим. Надо же с чего-то начинать.

Рита, как проворный электровеник, примчалась обратно со всеми вещами спустя четверть часа. Я уже сняла колючее неудобное платье.

Надо будет завтра в первую очередь купить себе пару новых нарядов, более светлых оттенков и удобных. Как вообще Нина могла ходить в платье, которое кололось и вызывало зуд на коже?

Рита помогла мне снять прочую одежду, и я осталась в одних панталонах — жутко бабских и каких-то пожелтевших. И бельё надо будет купить. И как Нина могла так запустить себя внешне? Завела молодого мужа, а следить за собой не собиралась. Или же Аполлон видел не её саму, а её денежки, потому ему и было всё равно, как выглядит жёнушка? Главное, чтобы она оплачивала его счета.

Конечно, на Аркадия мне было наплевать. Я хотела для себя стать красивой и ухоженной.

Глава 15

Попросив Риту смешать молоко и мёд, я начала пальцами наносить липкую массу на лицо. Рита тут же взялась помочь и помогла мне намазать маской и шею, и верх груди. Я присела в кресло минут на десять, пока Рита доделывала ванну. А затем смыла прохладной водой маску с лица и шеи.

Мне даже показалось, что уже после первого раза кожа как будто задышала, стала более гладкой и менее красной на щеках. Но, конечно, требовались ещё подобные маски и питательные кремы. Но начало процессу моего преображения было положено.

Рита помогла мне расчесать волосы, и я в шёлковом пеньюаре проследовала в ванную комнату. До краёв налитая тёплая ванна с лёгкой пеной источала запахи цитруса и хвои. На полу лежал мягкий коврик. Нагревательный бак располагался сбоку и имел небольшой кран. Он был на ножках, внизу находилось отделение для топки, куда закладывались дрова. Вода подавалась в бак, нагревалась и потом выливалась в ванную. Процесс был долгий и кропотливый. Требовалось почти два часа, чтобы нагреть нужное количество воды на подобную большую ванную.

Рита помогла мне залезть в ванну и положила мне под голову специальный валик, чтобы было удобнее понежиться и расслабиться в тёплой воде.

— Вы пока погрейтесь, Нина Георгиевна, а я пойду постельку вашу перестелю. А то бельё-то несвежее. Две недели назад меняли.

Я милостиво кивнула и прикрыла глаза. Как же было приятно так сидеть и релаксировать в тёплой ванне. Почему-то весь сегодняшний день, едва попала в это тело, я ощущала себя безумно грязной.

Рита заявила, что придёт попозже, помоет мне голову и поможет ополоснуться[2].

Прикрыв глаза, я наслаждалась тёплой водой. Чуть раньше Рита с моего разрешения добавила в воду хвойные и цитрусовые «мешочки», взятые у Клавдии, и теперь они источали яркий и терпкий аромат можжевельника и апельсина. Эти мешочки, как я поняла, были аналогом наших солей для ванн и ароматизированных гелей и использовались в этом времени очень даже часто. Так сказала Рита.

Я так и сидела одна, с закрытыми глазами. Рита, похоже, прибиралась в моём шкафу в спальне, шуршала там вещами.

Неожиданно я ощутила чьё-то присутствие рядом, но звука шагов не услышала. Опять мою кожу задело лёгкое дуновение воздуха. Я почувствовала, что в ванной кто-то есть, когда человек оказался за моей спиной. Резко распахнула глаза и повернула голову.

Надо мной возвышалась фигура мужчины в тёмных брюках, светлой рубашке и жилете. Я даже вздрогнула от неожиданности. Потом подняла глаза и увидела золотые вихры молодого мужа и его призывную, сладкую улыбку.

— Рыбонька, это я. Зашёл проведать тебя.

— Блин, Аркадий, зачем же так подкрадываться? — буркнула я недовольно, облегчённо выдыхая.

На миг у меня сердце ушло в пятки от испуга, когда я, не слыша шагов, интуитивно почувствовала его за спиной.

---

[2] ***Историческая справка.*** В 1866 году в Санкт-Петербурге была запущена первая система центрального водопровода в домах горожан. Вода была только холодной. В конце XIX века для нагрева воды в ванной использовали дровяные водонагреватели — подобие гигантских самоваров. Это был резервуар цилиндрической формы с внутренней нагревательной трубой-дымоходом. Под резервуаром находилась топка, которая обычно топилась дровами, реже — углём. Горячие продукты сгорания, проходя через трубу-дымоход, нагревали воду. Иногда для комфорта рядом устраивался резервуар для холодной воды. Из резервуаров через краны вода поступала в ванну.

— Ниночка, прости! Не хотел напугать тебя, — пропел муж над моим ухом, встав на одно колено рядом с ванной за моей спиной.

Вдруг я ощутила, как его руки легли на мои мокрые плечи. Сильные пальцы начали нежно разминать мои плечи и шею, чуть поглаживая.

Я напряглась, ощущая, что мне неприятна эта телесная близость.

— Хочешь, помогу тебе помыться? Спинку потру, ангел мой? — проворковал Аркадий, наклоняясь к моему уху.

Одна рука его дерзко опустилась ниже, на мою грудь, и начала умело ласкать её.

Я даже дёрнулась от неожиданности. Такой дерзкой ласки, которая намекала на интимное продолжение, от Аполлона я никак не ожидала.

Быстро скинув руку мужа со своего тела, я села глубже в ванной.

— Не надо, я сама справлюсь.

— Но я бы помог, мне это доставит удовольствие…

«А мне нет», — захотелось крикнуть в ответ. И не потому, что я была против какого-то интима. Совсем нет. Но только не с ним. Отчего-то не могла отделаться от мысли, что он мне как сын и воспринимает меня как мешок с деньгами, а не как желанную женщину.

— Что тебе надо, Аркадий? — недовольно спросила я, отчего-то чувствуя, что он пришёл не просто так «потереть мне спинку».

— Хотел только узнать, хочешь ли ты сегодня видеть меня в своей спальне?

А если не хочу?

Хм, интересно. Молодой муж просил разрешения на это? Ну хоть какой-то положительный момент во всём этом нудном этикете.

— Нет, я буду спать одна.

— Но как же, Ниночка, я так соскучился, — проронил несчастно Аркадий, и снова его руки легли на мои плечи, массируя их и поглаживая.

Глава 16

На удивление, в этот раз мне даже понравились его движения — успокаивающие и размеренные. Я невольно снова прикрыла глаза.

— А ещё я хотел попросить тебя кое о чём, Нина.

— О чём же?

— Я тут присмотрел одну вещицу. Последняя форма просто феерична! Только появилась у нас в Петербурге. Может, купим её, душенька?

— Дорого стоит? — сразу же догадалась я, для чего была такая длинная интимная прелюдия.

— Э-э-э, достаточно. Как понимаешь, без твоего одобрения не могу её купить. Валериан Иванович не подпишет мне расходную книжку без твоего указания.

Ясно. Пришёл клянчить деньги на свою вещицу. Видимо, и правда дорогая, раз даже хотел ублажить меня ночью и спинку сейчас потереть.

Мне снова стало противно от этого наглого Аркаши, все поступки и действия которого считывались на раз-два. Ну как могла Нина впечатлиться таким, как он? И не видеть очевидного: что любил и хотел он не её, а её денежки.

Чтобы побыстрее выпроводить ушлого муженька из ванной, я ответила:

— Я хочу посмотреть на эту твою вещицу. Если понравится, так и быть, дам тебе денег.

— О, благодарю!

— А теперь оставь меня, Аркадий.

— Но, Ниночка, ты точно не хочешь моих ласк?

— Нет. Иди уже, — недовольно велела я.

Он как-то театрально вздохнул и быстро удалился, а я снова прикрыла глаза.

Какой же все-таки хитрый и скользкий тип этот Аркадий. Да, молод, да, красив, да, способен лапши на уши навешать. Но на этом все. Больше, похоже, достоинств у моего мужа не было.

Через какое-то время в соседней комнате послышался какой-то шорох, я не обратила внимания, снова прикрыла глаза. Но затем отчётливо послышались шаги, и снова всё стихло.

Чувствуя, как пересохло во рту, я крикнула в приоткрытую дверь ванной:

— Рита!

Мне не ответили, и я открыла глаза, снова позвав:

— Рита, это ты?!

Странно, вроде бы горничная обещала перестилать бельё, разве это не она ходила по спальне? Или мне показалось, что кто-то был там или она просто не слышала меня?

Опять мне почудился приглушённый стук туфель.

— Рита?! Поди сюда! — нервно выдохнула я, ничего не понимая.

Дверь в ванную быстро распахнулась, и в тёплое помещение влетела горничная, держа в руках небольшую стопку белья.

— Звали меня, Ниночка Георгиевна?

— Звала, — выдохнула я облегчённо. — Кричу тебя уже пять минут, а ты не слышишь.

— Ох, простите. Я выходила, спускалась вниз за бельём. Только пришла.

— Ясно. Там мой муж ушёл?

Я опасалась, что этот молодой жеребчик может и в постель мою хитростью улечься.

— Ушёл, видимо. Нет никого в спальне.

— Чудесно. Дай мне попить что-нибудь, а то в горле пересохло, — попросила я.

— Ваш ягодный морс подать?

— Пожалуй, — согласилась я, вспомнив, что в спальне на столе стоял хрустальный графин с этим сладким напитком. Похоже, Нина его любила.

Рита метнулась в комнату и принесла мне фужер с бордовым напитком. Я жадно выпила и велела горничной:

— Спасибо, Рита. Ступай. Я ещё немного посижу в ванной и буду мыться.

— Я пока постельку вашу перестелю. Вы кликните меня. Я приду, помою вас.

— Хорошо, — кивнула я, снова прикрывая глаза.

Вкус морса оказался отменным, похоже, Нина и вправду разбиралась в этом напитке.

Я снова прикрыла глаза, чувствуя, как все члены моего тела расслабляются. Нега завладела мыслями.

Прошло не более пяти минут, как я ощутила, что меня тошнит. Неожиданно жутко заколодо в желудке. Потом резкая боль охватила подреберье. Ничего не понимая, я даже села прямо в ванной. Тут же накрыл ещё один приступ боли от желудка до самого горла, да такой сильный, что я начала задыхаться.

Промелькнула заполошная мысль, что со мной что-то не так.

Я невольно схватилась руками за край ванны, пытаясь вытерпеть жуткую боль, режущую внутренности изнутри, и глухо выкрикнула:

— Рита! Помог...

Я не договорила, так как дыхание и горло сковал какой-то паралич. Я не могла дышать, хватая испуганно и яростно ртом воздух, но мне становилось всё хуже.

Перед глазами потемнело. Я осознала, что руки не слушаются. Задыхаясь из последних сил, я прохрипела:

— Помогите...

В следующий миг я ушла с головой под мыльную воду, теряя сознание от боли и чувствуя, как вода наполняет мой рот и горло, не давая дышать…

Странная белая пелена вокруг. Дымчатая и искрящаяся.

Ничего больше нет, только белый слепящий свет.

Тело моё лёгкое, словно пёрышко, и парит. А может, это не тело вовсе? А я какая-то субстанция типа эфира или белого прозрачного шара.

Что со мной? Мысли тягучие, вязкие, спокойные и невероятно безразличные ко всему.

— Ещё не время уходить, Наташа-Нина. Возвращайся, — зазвенел вдруг приятный мужской голос рядом.

Яростный щелчок, встряска, и я как будто упала. Быстро, легко и мягко.

Глава 17

Тут же жуткая боль в горле пронзила меня, и я поняла, что вроде жива.

— Ниночка Георгиевна! Что ж это?! — раздались надо мной горькие стенания. Кто-то приподнял меня за плечи и немного потряс. — Помогите! Кто-нибудь! Сюда, скорее!

Женский голос так оглушал, что я окончательно пришла в себя. Тут же ощутила, что мне не хватает воздуха. Испуганно открыла глаза и закашлялась, а потом меня вырвало вместе с водой. И я снова закашлялась.

— Ох ты! — воскликнула Рита, удерживая меня руками и сильно хлопая по спине. — Кашляйте, кашляйте! — И тут же горничная снова закричала в открытую дверь ванной: — Помогите! Кто-нибудь! На помощь! Сюда!

Мы отчего-то сидели с Ритой на каменном мокром полу ванной, в мыльной луже. Я была голая и едва понимала, что происходит. Я всё кашляла не переставая, и мне казалось, что воздуха так и не хватает. Рита придерживала меня руками, сидя на коленях рядом.

— Рита, что? Матушка! — раздался звонкий голосок, и в ванную вбежала Аня. — Что случилось?

Она также наклонилась надо мной, придерживая и чуть приподнимая с холодного пола.

— Она едва не утопла. Я вытянула… вытащила её из ванной! — выкрикнула нервно Рита, сбиваясь в словах.

Горничная испуганно всхлипнула. А у меня снова начались рвотные позывы.

— Матушка, что случилось? — спросила Аня, наклоняя меня и хлопая по спине. — Рита, дай таз! Её рвёт.

Если бы я знала, что случилось! Но я ничего уже не понимала.

Горничная подала таз, и Аня помогла мне сесть на пол и подставила тару, продолжая хлопать по спине.

— Матушка, если рвёт, пусть. Не сдерживайте позыв, — велела она.

— Она воды наглоталась. Сколько она под водой была, не знаю, Анна Михайловна. Я только что вытянула её из ванной, а она не дышала.

Меня снова вырвало. Но после этого дышать стало легче. Однако резкая боль в желудке и горле не проходила. Такое впечатление, что по мне внутри прошлись наждачкой.

— Матушка, желудок? Он болит? — спросила Аня.

— Да, — прохрипела я, едва дыша.

Мне казалось, что от боли я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой.

Через десять минут рвотные позывы стали меньше, и боль чуть притупилась.

— Рита, помоги мне положить матушку на кровать, — велела Аня.

— Слушаюсь, барышня.

Горничная и дочка приподняли меня: одна под мышки, вторая за ноги — и вынесли кряхтя из ванной. В этот момент в моей спальне появилась экономка Лариса Самсоновна.

— Божечки, что здесь? Нина Георгиевна, что с вами?

Она тут же подскочила к девушкам и ухватила меня тоже, помогла тащить к кровати.

В голове мелькнула мысль, что помогают мне теперь одни женщины, хоть бы один мужик в доме нашёлся. Одни моты и попрошайки вместо мужиков, видимо.

— Осторожнее... — простонала я, когда они положили меня на кровать. — Как же хреново...

Всё моё тело было одна сплошная рвотно-тошнотная размазня. Именно так я себя ощущала. Но понимала одно: я только что вернулась с того света. Но почему опять в это тело? Хотя, наверное, хорошо, что в это. Ещё столько тут несделанного и невыясненного осталось. Да и как оставить Людочку с этими хищниками в людском обличье? Страшно.

— Рита, таз дай... — попросила я, чувствуя, как новый приступ тошноты накрывает меня.

— Ритка, скорее! — выпалила экономка.

Но Аня оказалась проворнее, она уже подставила таз к моему лицу, и меня стошнило.

— Да что же это приключилось? — недоуменно всплеснула руками Лариса Самсоновна.

— Ей в ванной плохо стало, наглоталась воды, бедная! — вся в слезах объяснила Рита.

Но я понимала, что наглоталась не просто так, и рвало меня сейчас сильно. Всё это было похоже на отравление.

— А ты где в это время была, негодница? — недовольно выдала экономка, сверкая недобрым взором на горничную. — Ты для чего к хозяйке приставлена?

— Я постель заправляла.

— Заправляла она! Смотри у меня, Ритка! Выгоню вон! — пригрозила экономка, осторожно прикрывая моё голое тело покрывалом.

— Прекратите ругань! Я жива пока, — велела я властно.

Эти визги действовали мне на нервы. Женщины замолчали. Экономка поджала недовольно губы, но тут же выдала новый приказ:

— Ритка, рубашку какую дай! Чего стоишь, как соляной столб? Нина Георгиевна голая совсем!

— Да, сейчас, Лариса Самсоновна, — кивнула Рита, метнувшись к шкафу с одеждой.

— Надо немедленно послать за доктором, — предложила экономка.

— Да-да, конечно, доктора надобно, — подхватила Рита.

— Матушка, я немедленно вызову Бориса Евсеевича, — заявила Анна. — Надеюсь, он ещё не спит.

— Нет! Только не его, — прохрипела я из последних сил. — Найди мне другого доктора!

— Но, матушка, он же…

— Я приказываю… — выдавила я из себя и снова закашлялась.

И замолчала, ибо мой желудок опять скрутило и меня вырвало. Рита услужливо подставила мне таз. Рита после каждого раза бегала, мыла таз в ванной и снова приносила.

— Барышня, сделайте, как велит Нина Георгиевна, — услышала я тихий голос экономки. — Есть у вас на примете ещё какой доктор? Может, в земскую больницу сбегать? Там должны быть дежурные доктора. А то Нине Георгиевне вон как худо.

— Хорошо, — согласилась Аня. — Сейчас постараюсь послать мальчишку домой к одному доктору. Если его нет, придётся и впрямь в больницу идти.

— Пойдёмте вместе, — предложила Лариса Самсоновна. — Если что, пошлём кого из слуг с запиской в больницу.

Они вышли, а я осталась с Ритой, которая пыталась надеть на меня рубашку, а я едва могла пошевелиться от ноющей боли, которая так и терзала внутренности. Но всё же после каждого приступа рвоты боль становилась менее сильной, а я только слабела.

— Рита, принеси мне чистой воды попить, — велела я, прекрасно зная, что при сильной рвоте и отравлениях надо пить много воды.

— Слушаюсь, хозяйка.

Глава 18

Наконец я была одета в бархатную ночную сорочку и в вязаные чулки. Рита быстро позвонила в колокольчик, объясняя свои действия:

— Сейчас кто-нибудь придёт и посидит с вами, Ниночка Георгиевна, чтобы вас одну не оставлять. Я за водичкой сбегаю.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Вроде сознание моё уже до конца прояснилось, и я стала думать разумно. И отчего-то в мою голову вползла одна мысль. А не пытались ли меня отравить? Отчего мне стало вдруг резко дурно в ванной? А что? За ужином я съела много чего, вполне могли что-то подсыпать. Только что и когда? Ведь все домочадцы ели ту еду, может, и из них кому тоже стало плохо?

Мои напряженные мысли прервал Аркадий, который ворвался в спальню с диким криком:

— Ниночка! Тебе плохо? Аня побежала за доктором! — Он бросился к моей кровати. — Что с тобой, рыбонька моя?

Я закатила глаза к потолку. Ещё приторно-слащавого муженька мне тут не хватало. И так тошно, а тут он привёрся. Сейчас, видимо, будет меня утешать и жалеть.

— Нина Георгиевна воды в ванной нахлебалась, едва не утонула, — объяснила Рита.

— Какой кошмар, Нина! Как ты?

Муж уже приник к моему изголовью, всматриваясь в моё лицо.

— Оставь, Аркадий, — через силу произнесла я, отодвигая слабой рукой его красивое лицо от себя.

Понятливо кивнув, он чуть отошёл.

— Аркадий Сергеевич, побудьте с Ниной Георгиевной, а я за водичкой на кухню сбегаю, — попросила Рита.

— Нет, — пискнула я, совершенно не желая оставаться с мужем.

Его вид меня раздражал, а в данный момент вообще бесил. Не хотела, чтобы он видел, как мне плохо, и радовался.

— Побуду, конечно, Рита, иди, — бросил ей через плечо Аркадий.

Рита, видимо, не услышала моего недовольного «нет» и убежала. Я огорчённо вздохнула.

Как я и предполагала, Аркадий уселся на кровать рядом со мной и начал изводить своей жалостью и слюнявыми комплиментами. Зачем-то целовал постоянно руку и причитал о том, что очень волнуется за меня. Но я не верила ни одному его слову. Видела, что он опять включил эту свою пластику «любящего мужа», такого «любящего», что никак не дождётся смерти своей старой жены.

Но у меня совсем не было сил спорить с ним, хотелось просто прогнать его прочь. Лучше уж одной тут в спальне, чем с этим Аполлоном, весь вид и речи которого действовали на нервы.

— Матушка, что за переполох в доме? Все бегают, кричат, что тебе худо, — неожиданно раздался голос от двери.

В спальню вошёл Антон, в домашнем халате и брюках, руки в карманах. Похоже, он готовился уже спать. На его лице было написано такое недовольство и брезгливость, что я не ответила, а только прикрыла устало глаза.

Ну вот, ещё один нарисовался. Сейчас тоже станет меня показательно жалеть. Но я ошиблась. Мой сынуля вдруг заявил:

— Или это очередной твой спектакль, матушка? Эта твоя неожиданная болезнь? Чтобы опять весь дом бегал около тебя?

Я даже распахнула глаза от подобных наглых заявлений.

— Антон, как ты смеешь? — выдал за меня невольно муж. — Нина едва не утонула в ванной.

— С чего бы ей тонуть? Это же не река, — не унимался старший сын. — Твои фальшивые сцены с постоянными отравлениями и мнимыми болезнями уже, право, утомили, мать. За последние два месяца это уже пятая!

У меня даже челюсть отвисла от его наглых, мерзких слов. Я ведь на самом деле не притворялась сейчас, неужели этого было не видно? И это мой родной сын?! Каково?

— Ниночка, не слушай его, — начал петь у моего уха муженёк. — Он, видимо, переволновался за тебя, вот и говорит всякую ерунду.

Да нет, говорил он осознанно и зло. А Аркадий — слащаво и лицемерно. И больше теперь я этого не собиралась.

— Довольно! — процедила я. — Пойдите оба вон!

— Что ты сказала, ангел мой? — спросил недоуменно Аркадий, удивлённо округлив глаза.

— Вон оба из моей спальни! Немедленно! — прорычала я хрипло и жёстко.

Аркадий театрально всплеснул руками, а на лице Антона появилась недовольная мина. Но всё же они вышли, а я выдохнула с облегчением.

Однако слова Антона заставили меня задуматься. Значит, за последние два месяца мне уже пять раз было плохо. И, видимо, всё это были покушения на Нину? Сейчас пятое, тогда, с подушкой, когда я попала в тело Нины, четвёртое, а третье, видимо, Нину всё же убило. И потом я попала в её тело. А было ещё два или три, ведь про подушку я никому не говорила.

Похоже, кто-то настойчиво и упорно пытался отправить Нину на тот свет.

И надо было что-то немедленно предпринять. И первое — это вызвать полицию и всё им рассказать. Пусть немедля начинают искать убийцу. Раз пока я сама не могу вычислить его.

— Бабушка? — прервал поток моих мыслей детский голос вошедшей Людочки.

— Заходи, детка.

— Бабушка, что они тебе сделали? — выпалила Людочка.

Умная девочка, сразу догадалась, что что-то тут нечисто в этом моём утоплении в ванной.

— Пока ничего, милая. Побудь со мной, мне будет не так страшно.

— Конечно, бабушка.

Внучка осталась со мной. Подвинула ко мне стул и присела к изголовью, тихонько гладила меня по голове. И это успокаивало, у меня даже прекратились приступы рвоты. Вскоре пришла и Рита. Помогла мне попить воды. Я пила маленькими глотками, зная, что много сразу нельзя, иначе снова начнётся рвота.

Менее чем через час в мою спальню вошёл молодой человек с квадратным саквояжем. В круглых очках, со взъерошенными рыжими вихрами, очень высокий и какой-то несуразный. Лет двадцати.

— Матушка, это Феликс, — представила молодого человека Аня, которая сопровождала его. — Точнее, Феликс Игнатьевич. Он доктор, осмотрит вас.

Я даже напряглась. Неужели этот юнец разбирался в медицине? Да он был моложе моего мужа Аркадия. И где дочка его откопала?

У меня тут же закрались сомнения, что он что-то вообще понимает в болезнях.

— Здравствуйте, Нина Георгиевна, — поздоровался юнец, ставя саквояж на стул, и быстро начал ополаскивать руки в умывальнике. Рита подала ему полотенце. — Анна Михайловна объяснила мне, что вы едва не утонули в ванной. Вы позволите вас осмотреть?

Мне не хотелось, чтобы он смотрел меня, но другого доктора Аня, видимо, не нашла.

— Да. Только сразу говорю, смотрите как следует, иначе денег вам не заплачу, — пригрозила я, сомневаясь в медицинской компетенции этого угловатого юнца.

— Резонно, Нина Георгиевна, — согласился Феликс.

Глава 19

Феликс начал меня осматривать. Попросил поднять рубашку, прослушал внимательно лёгкие, посмотрел язык, зрачки, горло, кожу. Всё делал очень учтиво и осторожно.

— У вас сильное отравление, Нина Георгиевна.

Какая наблюдательность! Это я и так знала, но всё же решила не спорить. Пока было непонятно, что он за доктор. Хотя я не говорила о том, что отравилась, да и Аня только упомянула, что я едва не утонула. Так что первый вывод он сделал верно.

— Расскажите по порядку, что было сегодня вечером, что вы ели, пили, — попросил Феликс, взяв с моего языка палочкой мазок и намазав на какую-то стекляшку.

Отошёл к электрическому бра, начал рассматривать стекляшку под светом.

Рита начала рассказывать за меня, я только добавила, что мне стало плохо в ванной.

— Опишите, как конкретно стало плохо, что болело, Нина Георгиевна, — велел Феликс.

Я всё рассказала: и о болевых приступах, и об удушье.

— Так… — протянул Феликс, откладывая стекляшку. — Вы позволите мне осмотреть ванную?

— Идите, — пожала я плечами.

Когда молодой доктор прошёл с Ритой в ванную, я невольно спросила дочку:

— Аня, где ты его отыскала? Он же так молод и вряд ли что-либо смыслит в медицине.

— Вы неправы, матушка. Феликс — лучший студент Медико-хирургической академии. Через два месяца получит диплом доктора. К тому же он уже два года постоянно практикует в Обуховской больнице. А ещё он один из немногих, кто пользуется новейшими исследованиями в медицине. Применение токов, например, и диплом пишет по хирургической анестезии.

— Ясно, ну, будем надеяться, что он скажет что-то путное.

— Матушка, он единственный, кто согласился приехать к вам ночью. И он мой друг.

Я внимательно посмотрела на дочь, и у меня закрались мысли о том, что этот Феликс как-то сильно влияет на Анну. Наверняка с его подачи она решила стать доктором.

В этот момент из ванной вышли Феликс и Рита, и доктор спросил:

— Из этого графина вы наливали морс, Нина Георгиевна?

— Да, — ответила за меня Рита.

— Вы позволите мне провести один эксперимент? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Да, пожалуйста, — безразлично ответила я.

Мне казалось, что это юнец специально принимает важный вид и пытается пустить пыль в глаза, чтобы доказать нам, что что-то понимает.

Феликс налил в бокал немного морса из графина, зажёг свечу, поднёс бокал к пламени. А спустя минуту спросил:

— Чувствуете резкий запах чеснока?

— Да, — кивнула Рита, стоявшая рядом с ним.

— И я чувствую, — согласилась Аня, которая находилась между мной и молодым доктором.

— Это всё подтверждает, — кивнул Феликс.

— Да что подтверждает? — выпалила я нервно, ничего не понимая. — Скажите толком, Феликс!

Он задул свечу и отдал бокал Рите. Подошёл ко мне и тихо сказал:

— Мышьяк. В очень большом количестве в морсе. Вас пытались отравить мышьяком, Нина Георгиевна.

— Что? — Я даже опешила от его заявлений.

Он что, действительно разбирался в ядах, и все было именно так, как он сказал? Очень это походило на правду.

— Мышьяк не имеет ни запаха, ни вкуса, потому вы спокойно и выпили морс. Он ведь не показался вам странным?

— Нет.

— Именно, — продолжал Феликс, поправляя очки на носу. — Только при нагревании мышьяк начинает выделять сильный чесночный запах. Как сейчас я доказал. И у вас все симптомы отравления налицо. Очень сильная концентрация яда в морсе. Смертельная. После такого не выжить.

— Да? Но как же тогда, — запнулась я.

От этих откровений мой голос нервно сорвался, и я не договорила: «Как же я осталась жива?»

— Вам повезло, — объяснил Феликс. — По счастью, вы принимали ванну, когда вам стало плохо. И сильно нахлебались воды. Тем самым вы естественным путём тут же промыли весь свой желудочно-кишечный тракт и через сильную рвоту вывели много яда наружу.

— Боже… какой ужас… матушка, — воскликнула Анна.

— Бедная Нина Георгиевна, — простонала Рита.

— Похоже, так всё и было, — согласилась я.

— Уверяю, так и было. Теперь вам надо каждый час пить по кружке чистой воды. Что вы и делаете, как я посмотрю. Это от обезвоживания, — велел Феликс. — Когда рвота полностью прекратится, надо будет пить ромашковый чай, чтобы успокоить раздражение желудка.

Я же, обескураженная словами Феликса, только молчала. Как он верно определил, как и чем меня отравили, тут же нашёл отраву, да ещё и выдал заключение, отчего я всё же не померла.

Похоже, этот юный доктор действительно разбирался в медицине. А я ещё раз убедилась в том, что если человек занимается именно своим делом, то он и очень молодой может быть умнее всяких там Борисов Евсеевичей со стажем.

— Я поняла, Феликс, — ответила за меня Аня. — Я всё сделаю, как надо для матушки.

— Однако, Нина Георгиевна, я могу вам сделать немедленно сильное промывание желудка, — предложил Феликс, — чтобы точно вымыть весь яд из организма. Процедура неприятная, сразу скажу, но зато вы быстрее поправитесь. Завтра уже встанете на ноги. Так будет быстрее, чем через рвоту.

— Хорошо, — кивнула я. У меня уже коренным образом поменялось отношение к этому доктору. Я стала даже доверять ему. — Но вам, наверное, нужны какие-то инструменты, чтобы это сделать?

— Всё необходимое для этой процедуры я захватил с собой. Аннушка сказала, что вас рвёт после ванной, думал, вы наглотались мыла. Поэтому и подумал, что может понадобиться промывание желудка.

Надо же, какой предусмотрительный, всё верно просчитал. Значит, логика у него работала отменно.

Мерзкую процедуру я перенесла довольно стойко. Утешала радость оттого, что у отравителя ничего не вышло, а ещё подогревала злость, потому что я уже придумала, как остановить этого гада, желающего умертвить меня.

Когда процедура была закончена, Феликс велел мне поспать и обещал прийти днём. Когда доктор распрощался со мной и ушёл, я обратила взор на младшую дочь и велела:

— Аня, ещё попрошу тебя. Вызови мне полицейского. Сейчас ночь, но наутро чтобы он обязательно пришёл.

— Полицейского пристава, матушка?

— Да, именно его. Я хочу поговорить с ним.

Глава 20

Утром я проснулась около девяти часов. Рядом с собой на диванчике увидела спящую Людочку, а сбоку в кресле прикорнула Рита.

Прислушавшись к своему организму, я отметила, что чувствую себя вполне сносно, даже можно сказать, что у меня ничего не болело, не считая жуткой изжоги и сухости во рту.

Опять вспомнив о ночном кошмаре с отравой, я нахмурилась.

И как умно придумано! Тот морс пью только я, никто больше. И тут меня осенило. Я вспомнила те моменты, когда Рита бегала за постельным бельём, а я была в ванной и отчётливо слышала шаги. Точно! Так и было. В тот момент убийца пробрался в спальню, сыпанул в графин яд. Потому-то Рита ничего и не видела. Но, возможно, это чёрное дело сделали ещё раньше? Но нет, днём я уже пила этот морс, и ничего. Значит, отравитель приходил вечером.

Я заворочалась в постели, пытаясь сесть. Рита тут же проснулась и подошла.

— Как вы себя чувствуете, Нина Георгиевна?

— Вроде сносно, Рита.

— Вот и славно. Завтракать будете или водички вам опять принести?

На удивление, я даже ощутила, что немного голодна. В этот момент проснулась и Людочка, и я сказала:

— Наверное, поем немного. Принеси нам печенья с горячим чаем. И Рита, только обязательно горячий чай налей, чтобы пар шёл.

Я помнила наставления доктора Феликса, что теперь лучше пить горячее. Ведь в горячей воде можно было отчётливо определить чесночный запах мышьяка.

— Слушаюсь, Нина Георгиевна, я быстренько.

Я отправила Людочку умываться и одеваться в свою спальню, а сама поднялась приводить себя в порядок: накинула пеньюар, расчесала волосы, умылась.

Рвотных позывов у меня так и не было, и я даже ощущала себя довольно здоровой. Только чувствовала небольшую слабость. Всё же этот доктор Феликс знал своё дело. Как он и сказал, утром мне стало гораздо лучше. Даже аппетит появился.

Спустя полчаса мы с Людочкой уже сидели за столом в моей спальне, а Рита разливала из пузатого чайника горячий чай. Я взяла кружку и принюхалась — чесночного запаха не было. Но всё же я опасалась. Как-то подозрительно оглядела горничную и спросила:

— Рита, ты сама чайник наливала?

— Да. И сама заварила травки, Ниночка Георгиевна, чтобы вы спокойны были.

— А печенье и кексы?

— Так с общего противня взяла, кухарка только напекла их к завтраку. На стол на общий завтрак Лариса Самсоновна распорядилась подать.

— Так, хорошо. Погоди, Людочка, — остановила я внучку, которая уже схватила с тарелки кекс.

— Что, бабушка?

— А теперь сядь, Рита, — велела я. Горничная присела рядом с нами на стул. Я подвинула ей свою чашку. — Пей первая и кекс откуси.

Рита как-то странно взглянула на меня и растерянно захлопала глазами. И тут же её лицо приняло расстроенное выражение.

— Вы что ж, думаете, что это я, Нина Георгиевна? Пыталась вас… — выпалила она обиженно. — Да я вам верой и правдой столько лет...

— Пей, Рита, — велела я.

Если она действительно наливала чай и воду сама, то опасаться ей было нечего. Да и на будущее теперь будет следить, чтобы никто лишний не подходил к моей еде.

Горничная отпила чай совершенно бесстрашно и быстро и поставила чашку на стол. Взяла кекс и, отломив кусок, запихала в рот. Торопливо начала жевать, запила чаем, обжигаясь, но, видимо, очень хотела доказать мне свою невиновность.

А потом вдруг расплакалась.

Я поняла, что зря подозревала Риту. её поведение говорило само за себя. Хотя кто знает. Может, это сейчас она играла передо мной. Но на будущее тоже будет ей урок, пусть теперь гадает, когда я снова заставлю её есть свою еду.

И всё же горькие слезы Риты вывели меня из равновесия.

— Прости, Рита, я вынуждена была это сделать. А теперь иди в свою комнату и приведи себя в порядок, позже придёшь, чтобы убраться.

Горничная кивнула и вся в слезах вышла из спальни.

Ну а что мне было делать? Если Рита не глупа, то поймёт, отчего я опасаюсь уже всего.

После завтрака я решила прогуляться по саду хотя бы полчаса. Всё же надо было уже выйти на свежий воздух, так быстрее мой организм восстановится после всех потрясений. Людочка согласилась составить мне компанию, а чуть позже к нам присоединился мой внук Саша.

В утреннем майском саду было чудесно. Запах свежей листвы и распускающихся первых цветов словно наполнял меня новыми жизненными силами. Я присела на ажурную скамейку под раскидистую яблоню, чтобы чуть скрыться от довольно яркого солнца, которое вползало на небо. Люда и Саша затеяли игру в салки, и я некоторое время с умилением наблюдала за ними.

Однако вскоре гнетущие думы снова завладели мной, и я всё думала и думала, как поступить дальше. Конечно, был вариант уехать из дома на время. Но такой выход казался мне малодушием. Это всё-таки мой дом, почему я должна бежать, как испуганная крыса? Опять же, что мешает убийце под каким-либо предлогом последовать за мной, если я уеду? И придумать какой-то другой, коварный вариант покушения? Нет, надо было докопаться до правды и обезвредить злодея.

Мои тревожные и мрачные думы прервала Аня, появившаяся в саду.

— Матушка, вот вы где! — сказала она. — Там полицейский пристав пожаловал, вы просили, чтобы я пригласила его.

— А, пристав! Прекрасно, дочка. Иду.

Глава 21

Полицейский в тёмно-синей форме, с небольшими усиками и неприятным взглядом мне сразу не понравился. После заявлений о том, что меня уже несколько раз пытались лишить жизни, он как-то недоверчиво посмотрел и словно не поверил.

Мы говорили в моей спальне, и в комнате присутствовали ещё два полицейских, пришедших с Кнуровым. Дверь я плотно закрыла и велела Людочке последить в коридоре, чтобы нас ненароком никто не подслушал.

— Позвольте, Нина Георгиевна, и что вы от меня хотите? — возмутился пристав, недовольно зыркая на меня колючим взглядом. — Убивца вы не видели, ну, того, кто подушкой вас придушить хотел. Да и сейчас непонятно, чем отравились.

— Что значит «непонятно»? Я же вам сказала: мышьяк был в морсе. Возьмите пробу из графина! Я велела пока его не мыть. А до того некто приходил в спальню, я слышала стук каблуков.

— Но вы же не видели кто.

— Нет, не видела, но слышала.

— Вам могло послышаться что угодно. И не факт, что яд подсыпали, именно когда вы были в ванной.

— Нет факт, господин пристав, — уже раздражённо произнесла я. — До того я уже пила морс днём, и он был совершенно нормальный. А судя по стуку каблуков, это была женщина.

— Мужчины тоже могут иметь на ботинках железные набойки.

— Согласна. Но вряд ли бы убийца стал бы надевать громкую обувь, которая бы выдала его, — заявила я. — Так что вам надо опросить всех домочадцев на предмет…

— Чего? — хмыкнул он, перебив меня и поморщившись. — Все ваши обвинения косвенны. И я даже не знаю, с чего начать.

— Может, опросите всех, кто что делал в это время? — предложила я. — Ну, когда мне подсыпали отраву в морс?

— И что это даст? — округлил глаза Кнуров. — Душегуб, скорее всего, соврёт, недорого возьмёт. Или вы думаете, Нина Георгиевна, что убийца скажет: «Да, я приходил в комнату Нины и подсыпал яда». Смешно, право слово.

Я видела, что пристав совсем не горит желанием кого-то опрашивать и уж тем более искать.

— А мне совсем не смешно, сударь, — возмутилась я. — Так вы заведёте дело?

— Заведу, куда деваться-то, раз поступило от вас такое заявление. Но сразу говорю, это всё очень запутанно. У вас в доме проживают шесть родственников и ещё прислуга.

— Да, а вчера вечером ещё и брат мой был на ужине.

— Про то я и талдычу вам уже битый час, Нина Георгиевна. Как вы предлагаете мне найти того, кто покушался на вашу жизнь? Вы же ничего определённого про убивца сказать не можете.

— Так вы полиция, вот и займитесь своими обязанностями. Возьмите, например, отпечатки пальцев с этого графина, — опять подсказала я.

У меня складывалось впечатление, что это я полицейский пристав, а не Кнуров. Я ему указывала, что и как делать.

— Чего взять? — удивлённо приподнял он бровь.

— Как это пальцы? — спросил городовой у полицейского сотника, что пришли с приставом и стояли у дверей.

Ясно. Про отпечатки пальцев никто ничего и не слыхивал в это время. Хотя вроде в начале XX века этот метод опознания преступников должен был появиться. Но, видимо, пока ещё не появился. Я тяжело вздохнула.

— Так вы собираетесь что-то сделать, господин Кнуров?

— Заявление я взял, дело возьму в работу, но большего обещать не могу. Недосуг мне за вашим призрачным убивцем гоняться. Вы должны вспомнить ещё что-то, Нина Георгиевна, иначе душегуба мы пока не сыщем.

— Понятно, толку от вас как от козла молока, — процедила я сквозь зубы.

Так надеялась на полицию, а теперь что же, они ничем помочь мне не могли.

— Вы что-то сказать изволили? — спросил напряжённо Кнуров.

— Нет. Тогда хотя бы назначьте какого-нибудь человека из своих полицейских, чтобы охранял меня.

— Никак не могу-с, Нина Георгиевна. Люди у меня по счету, все на своём месте. Нет лишних, чтобы около вас околачиваться.

— То есть, если меня снова душить будут, то и пусть, господин пристав? — возмутилась я.

— Ну что ж вы сразу о плохом думаете, сударыня. Говорю же, никого нет, чтобы в охрану вам дать.

— А если я заплачу вам? Денег дам за охрану?

— Мне деньги? — опешил пристав и как-то опасливо оглянулся на полицейских, стоящих у дверей. — Это что, взятка? Не возьму. Это же подсудное дело — взятки брать.

В общем, разговор с полицейским приставом прошёл не так, как я рассчитывала. И совершенно не внушал надежды на то, что убийца будет найден. Пристав говорил со мной как со взбалмошной особой, и было видно, что поскорее хочет свалить из моего дома.

На миг меня посетила мысль: а не с убийцей ли этот пристав заодно? Ведь он ни в какую не хотел расследовать это преступление, и все мои слова и просьбы осмеивал и подвергал сомнению. Но, конечно, это был бред. Скорее всего, ему просто не хотелось как следует разбираться во всем и как надо исполнять должностные обязанности.

Полицейский со своими людьми покинули особняк, так и не опросив никого из домочадцев и прислуги, и даже не взяли на анализ морс на предмет мышьяка.

Оставшись в одиночестве, я напряжённо думала, что же делать. Неожиданно мне в голову пришла одна идея. Может, и не блестящая, но, возможно, способная помочь мне хоть как-то остановить убийцу.

— Аня, попроси всех собраться в гостиной через два часа, — велела я дочери, едва она вошла в мою спальню. — Если получится, и дядю Модеста пригласи.

— Всех — это родственников?

— Да, но и прислугу. Всех, до последней служанки.

Глава 22

— Аня, и ещё... — остановила я дочку.

— Да, матушка?

— Скажи, а Лариса Самсоновна давно служит у нас в доме? У меня что-то творится с памятью, какие-то пробелы в воспоминаниях. Многое не помню после всех этих болезней и передряг, — объяснила я свою забывчивость.

— Вы должны обязательно рассказать об этом Феликсу, о проблемах с вашей памятью, матушка. Это очень плохой знак.

— Скажу. Так что там с экономкой? — настаивала я.

— Она давно служит у нас, матушка. Ещё при дедушке Георгии была, служила в этом доме с юных лет, а потом, как дедушка умер, вы её экономкой сделали. Она очень хорошая и предана вам всегда была.

— Ясно, — кивнула я. — Ступай, дочка, и позови пока ко мне Ларису Самсоновну, а потом не забудь всех в гостиной собрать.

Когда Аня ушла, я задумалась. Значит, экономка под подозрение тоже не попадала. Смысл ей было ждать тридцать лет, чтобы отравить меня? Глупо. Да и нанять её для «черного дела» вряд ли получилось бы. Такого рода слуги, которые жили в семействе десятилетиями, были очень преданны и абсолютно неподкупны. Ибо уже считали семью, в которой служили так долго, своей. И по поведению экономки это отлично прослеживалось.

Так что уже двое: Лариса и Рита — из подозреваемых выпадали.

Экономка пришла спустя четверть часа, я как раз переоделась в домашнее платье.

— Извините, Нина Георгиевна, я чуть задержалась. Давала распоряжения на кухне насчёт обеденной трапезы.

— Ничего. Я хотела обсудить с вами всех слуг, которые служат в доме. Расскажите мне, пожалуйста, кратко о каждом: сколько времени кто служит и что именно делает.

Раз полиция не собиралась расследовать моё «запутанное» дело, тогда я намеревалась взять всё в свои руки. Кто, как не я сама, позаботится о себе любимой?

Лариса Самсоновна кивнула и быстро начала перечислять всех. Слуг и служанок оказалось восемь человек, с кухаркой и с Ритой. Я кратко записала информацию обо всех на лист бумаги графитным карандашом, чтобы до общего собрания всё хорошенько обдумать.

Потом отпустила Ларису Самсоновну, ибо приехал доктор Феликс.

— Вижу, вы довольно бодры, Нина Георгиевна, — улыбнулся мне молодой неказистый доктор, ставя свой саквояж на стул. Отошёл вымыть руки.

— Да, благодаря вашей очистительной клизме и… — произнесла я.

— Да-да. Будьте добры, снимите пеньюар, сударыня. Я опять осмотрю вас.

Теперь я с готовностью отдалась в руки молодого доктора и даже спросила:

— Феликс, мне кажется, от меня исходит какой-то неприятный запах, как от старухи. Вы не чувствуете?

— Есть немного, Нина Георгиевна. Вот смотрите, у вас на груди есть небольшие жировые отложения. Вот здесь, над грудью. Они возникают с возрастом, от неправильного питания, ну и злоупотребления курением и алкоголем. Именно эти отложения и дают такой запах.

— Надо же! Даже не слышала о таком никогда, — удивилась я.

— Это недавнее открытие профессора Черканова, нашего русского учёного. Только начались исследования в этой области, на предмет старения человеческого организма, и меня заинтересовали его опыты и выводы. Я прочёл несколько статей профессора об этом.

— А можно ли избавиться от этих отложений и запаха?

— Профессор Черканов утверждает, что да, — кивнул Феликс, уже заканчивая ощупывать мой живот. — Нужна определенная диета: исключить жирное и жареное, лекарства по возможности. Постоянная гигиена тела. Обязательно следить за своим организмом, и, конечно, никакого злоупотребления вредными отравляющими веществами, типа табака и горячительных напитков.

— Но я вроде и не курю.

— Разве? А Аннушка говорила, что курите. И довольно много папирос.

Я поджала губы. Ну вот, ещё одно откровение о Нине. Она ещё и курила как паровоз. Блин, неудивительно, что в свои пятьдесят выглядела как старуха. Да и в моей спальне ощущался неприятный табачный запах, а я думала, что мне только кажется.

— Уже бросаю, — буркнула я в своё оправдание.

— И это правильно, Нина Георгиевна. Если будет угодно, я составлю вам рекомендации по питанию и физиолечению. Попытаемся убрать эти вредные жировые отложения с вашей груди, а там и запах, так нервирующий вас, исчезнет.

— Замечательно, я готова. И ещё, Феликс, вы смогли что-то придумать насчёт того, что я просила?

— Конечно, я помню о вашей просьбе, Нина Георгиевна. — Доктор полез в свой саквояж и достал небольшой бумажный пакет. — Специально заезжал к своему другу химику и поговорил с ним о вашей проблеме. И он дал вот это. Это специальные бумажки, так называемые определители ядов. Здесь около сотни.

Я взяла пакет и раскрыла его. Там лежали тонкие бумажные полоски величиной с палец.

— Оказывается, он давно изготавливает такие для промышленных заводов, что работают с мышьяком и другими ядами. Чтобы рабочие проверяли уровень концентрации мышьяка и не травились. Поэтому, если угодно, я могу привозить их вам регулярно.

— О, было бы великолепно, Феликс! — воскликнула я, даже не ожидая, что доктор так быстро исполнит мою просьбу.

А просила я его ночью о том, чтобы он придумал мне средство, чтобы я сама могла проверять еду и питье на предмет отравы. Конечно, не считая рекомендации Феликса пить только горячие напитки, чтобы учуять, если что, чесночный запах.

— И как их применять? — с энтузиазмом спросила я.

— Опускаете конец бумажки, тот, что светлее, в жидкость или прислоняете к куску еды, лучше, если на еде будет сок с неё. И смотрите полминуты. Если концентрация яда опасна, то конец станет голубым. Если бумага останется того же цвета или бледно-жёлтой, то еда безопасна. Эти бумажки-определители универсальны, кроме мышьяка и цианидов, они определяют ещё двадцать разновидностей ядов, которые используются в сельском хозяйстве у нас в империи для травли мышей, вредителей и насекомых.

Довольная услугами молодого доктора, я велела Анне заплатить Феликсу двойную сумму за посещение. Дочка кивнула, но заметила, что в «домашнем кошельке» осталось совсем немного денег. С этим «кошельком» надо было тоже, видимо, разбираться.

Глава 23

В назначенное время я спустилась в гостиную. Распахнула двойные двери и вошла.

— Итак, вижу, дорогое семейство в сборе. И прислуга вся, — заявила я, проходя дальше в просторную комнату и проводя по всем взглядом.

Слуг я насчитала ровно восемь, плюс экономка и все домочадцы. Анюта постаралась, и даже братец Модест был тут.

— Прекрасно, — кивнула я и присела в кресло.

Мои дочери и внуки уже сидели на диванчиках. Мужчины и слуги стояли.

Я опять прокрутила в голове нужные, уже заготовленные слова, понимая, что от них теперь многое зависит. Выдохнула и решилась.

— Вы, наверное, заметили, что сегодня у меня был полицейский пристав. Я сделала заявление. Назвала имя того, кто пытался меня задушить подушкой два дня назад.

На миг в комнате воцарилась тишина, а потом полетели недоверчивые возгласы: то ли от удивления, что обнаружилось такое злодейство, то ли от сожаления или опасения, что я всё рассказала полиции.

— Нинель, что ты говоришь? — первым выдал удивлённо братец Модест.

— Как же это так, матушка? — спросила испуганно Клавдия.

— Что ты такое говоришь, ангел мой?! — воскликнул Аркадий.

— Довольно слов. Прошу всех помолчать, пока я не закончу, — велела я.

А сама внимательно наблюдала за реакцией присутствующих. Опять настала тишина, и я продолжила:

— Так вот, я назвала приставу имя убийцы, который покушался на мою жизнь. И уже не раз. Но пока он не арестован. Потому что господину приставу нужно собрать все недостающие улики, чтобы предъявить обвинение душегубу. Но это дело времени. И если со мной что-то случится, то, как вы понимаете, убийца будет немедленно схвачен полицией.

— Ниночка, какой ужас ты говоришь! — воскликнул Аркадий.

— Именно, ужас. Я знаю, что убийца находится в этой комнате. И лучше ему сразу признаться в содеянном. Так наказание можно будет смягчить, так сказал пристав. В противном случае за многочисленные покушения на меня он ответит по всей строгости закона. Итак, я слушаю. Кто-нибудь хочет признаться?

Я, естественно, не видела убийцу и не знала, кто он. Но сейчас пыталась сыграть на страхе убийцы за свою жизнь. Ведь, как сказал Кнуров, ему грозила пожизненная каторга.

Подождала две минуты, во время которых в гостиной стояла гробовая тишина. Но никто не проронил ни слова.

Я тяжело вздохнула. Что ж, первый план не увенчался успехом. Убийца ни в какую не хотел сознаваться. Все присутствующие открыто и нервно смотрели на меня, только мой брат и сын отводили глаза, но обвинять их по такой мелочи было бы глупо. Прислуга тоже как-то испуганно замерла и только недоуменно хлопала глазами.

— Что ж, раз убийца каяться не хочет, предоставим дело полиции. Это только вопрос времени. Скоро они арестуют того, кого надо.

— Но, матушка, может, ты ошибаешься? — спросила Клавдия. — Ты уверена, что на тебя покушались?

— Да, это так, сестра, — тихо вымолвила Аня. — Доктор всё подтвердил.

— Боже… — театрально произнесла моя старшая дочь и уткнула носик в надушенный платок.

— А я хочу услышать Зину и Машу, — заявила я, обратив взгляд на двух девиц, которые стояли тут же и которым я разрешила остаться ещё на несколько дней в доме. Хотя, возможно, это было ошибкой.

— Мы ничего не делали! — выпалила Зина.

— Ничего не делали! Мы не убийцы! — поддакнула Маша.

— Возможно, — произнесла подозрительно я. — Но хочу спросить, может, вам есть что сказать? Вы что-то видели? Ведь в тот момент, когда меня пытались удушить, вы были где-то поблизости.

— Не видели, нет, — замотали они отрицательно головами.

Я опять вздохнула.

— Что ж. Тогда поступим так, — произнесла твёрдо. — Лариса Самсоновна, с сегодняшнего дня увольте всю прислугу, кроме моей горничной Риты и старой поломойки Феклуши..

В Рите, Ларисе и Феклуше, которая также работала много лет в доме и была совсем дряхлой неграмотной старухой, я была уверена. В остальных нет. Все остальные работали в доме не более пяти лет и вполне могли прийти сюда, для того чтобы извести меня.

Например, мой бывший муженёк Михаил Андреевич мог нанять кого-нибудь из прислуги для этого чёрного дела в отместку. Ведь, как узнала у той же Анны, бросила Михаила именно я. Два года назад я без памяти влюбилась в Аркадия и подала на развод. И, как поняла, первый муж был от этого в бешенстве и не хотел давать мне развод, а потом очень злился, что я променяла его на молодого «жеребчика», именно так Михаил отзывался при всех о моем молодом муже. Ясно было, что первый муж до сих пор пылает ненавистью ко мне.

— Как? Почему? — всполошились все слуги и служанки.

— А теперь прислуга свободна. Лариса Самсоновна, проследите, чтобы всех рассчитали, как должно, и затем чтобы все покинули мой дом в течение трех часов.

Конечно, слуги были недовольны, а я думала над этим трудным решением — увольнять всю прислугу — несколько часов. Но понимала, другого выхода нет. Надо было обезопасить себя.

Глава 24

Когда экономка со слугами покинули гостиную, я провела взором по родне и сказала:

— А теперь вы, дорогое моё семейство. У меня для вас есть ещё небольшое заявление.

— Матушка, надеюсь, нас выгонять из дома не будете? — съязвил Антон. — А то чую, сегодняшние репрессии на слугах не закончатся.

— Хорошая мысль, сын, — хитро улыбнулась я в ответ. — И думаю, я воспользуюсь ей.

— Антон, ты мог бы и помолчать! — цыкнула на него Клавдия. — Видишь, матушка не в себе, а ты только раздражаешь её.

— Я в себе, дорогая дочь, — обернулась я к Клавдии. — Так вот, Антон, начнём с тебя. Начинай искать собственное жильё. Твоё жалование при моей гостинице достаточно велико, чтобы снять себе дом или комнаты. Даю тебе три дня, чтобы ты съехать отсюда. Видеть тебя в своём доме я пока что не желаю.

— Вот это да… родная мать! Выгоняет меня из дому, словно нерадивую прислугу! — возмутился Антон желчно.

— Не желаю даже слушать твои инсинуации, — жёстко ответила я сыну. — Клавдия и Анна пока могут остаться. Но ты, Модест, больше без приглашения в мой дом не смей приезжать.

— Но, Нинель, голубушка, как же так? — возмутился брат.

— Именно так. И самое главное. Насчёт завещания. Хотела вас уведомить, что неделю назад я переписала его.

— Переписала? Отчего? — выпалил нервно Антон.

— Ниночка, что ты сделала? — вскрикнул Аркадий.

И по их испуганным, недвусмысленным возгласам я поняла, что, похоже, они были одними из главных наследников в моем завещании.

— Да. Переписала. Всё состояние будет поровну разделено между моими внуками: Людмилой и Александром. Но смогут они воспользоваться им только после совершеннолетия. До того их опекуном я назначила Владимира Львовича Баскакова, моего поверенного, это на тот случай, если что-то случится со мной. И последнее. После, не дай Бог, кончины Людочки и Сашеньки их часть наследства будет полностью передана в благотворительные учреждения Петербурга.

Тем самым я обезопасила от покушения не только себя, но и внуков. Ведь от их смерти никто не выиграет, кроме богоугодных заведений.

— Ниночка! Как же так? — порычал Аркадий зло, взмахнув недовольно рукой. — Ты что же, больше совсем не любишь меня?

Хотелось ответить: «Да. Ты меня бесишь и раздражаешь, дорогой муженёк».

Едва сдержалась. Но я подумала, что на сегодня потрясений для семьи и так достаточно. Ещё решат, что я окончательно тронулась умом. Сначала выгнала всю прислугу, а теперь и любимого мужа, ведь раньше Нина в Аркадии души не чаяла, а тут вдруг решила так «обуть» с наследством. Поэтому, пока мои истинные чувства к Аркадию надо было скрывать от родни. Потом потихоньку оформлю развод с ним и всё: «адью», дорогой жеребчик.

Проигнорировав возглас мужа, я добавила:

— Так что, дорогие родственнички, теперь у вас одна задача — сделать так, чтобы я прожила как можно дольше на этом свете. Потому что, пока я жива, вы можете пользоваться всеми благами, которые принадлежат мне. На этом у меня всё.

— Матушка, отчего вы так жестоки с нами? — выпалила вдруг Клавдия, дочка явно намекала на завещание.

Я бросила на неё взор, её глаза полыхали гневом. Аня же стояла бледная, но молчала. Модест злобно кусал губы, а Аркадий делал вид, что ему не хватает воздуха.

Встав с кресла, я ещё раз предостерегающе оглядела домочадцев и покинула гостиную как королева.

Поднимаясь по лестнице, я слышала, как внизу разгорелся настоящий спор, видимо, домочадцы обсуждали мои решения. Меня догнала Людочка и, схватив за руку, подтвердила мои догадки:

— Бабушка, я с тобой. Они там все так кричат!

— Ещё бы, внученька, — хмыкнула я, даже не сомневаясь в этом.

А ещё я слышала, как внизу причитали и стенали служанки, которых я также выгнала.

Да, мне было жаль невиновных, кто попал под раздачу, но другого способа разрешить всю эту жуткую ситуацию вокруг Нины, я не знала.

Итак, теперь я убрала всю неблагонадёжную прислугу, выгнала из дома агрессивного сыночка и запретила картёжнику-братцу появляться. После моих заявлений в полицию о том, что я видела убийцу, злодей мог выдать себя — попытаться сбежать куда-то подальше из Петербурга, тем самым доказав свою виновность. И сейчас покушаться на мою жизнь убийце было опасно, ведь полиция якобы знала его в лицо.

К тому же я лишила родню повода травить меня, озвучив новое завещание. Ибо наследниками были мои внуки, а за ними благотворительные учреждения. Конечно, я не знала, что в настоящем завещании Нины, и не меняла его. Но кто об этом знал? Никто. Только мой поверенный, Владимир Львович, а его пока не было в Петербурге. И напоследок у меня были бумажки — определители ядов, которые до конца исключали возможность теперь причинить мне вред.

Однако оставалось ещё одно дело. Найти телохранителя, на тот случай если меня попытаются умертвить каким-то агрессивным способом. Но отныне я ещё собиралась закрывать дверь своей спальни на замок, чтобы не опасаться нежданных гостей по ночам.

Все эти меры, на мой взгляд, должны были остановить тот беспредел, который творился вокруг Нины в последние месяцы.

Глава 25

Следующее утро я начала с гимнастики, точнее, с йоги. Нужные статические позы — асаны — давались мне с трудом. Точнее, тело Нины было хоть и стройное, но совершенно неповоротливое и негнущееся. Мне удалось выполнить как следует только первые пять асан. Остальные было больно делать, но я не собиралась отчаиваться. Знала, что, если тренироваться ежедневно, тело Нины станет более гибким. Для этого нужны только терпение, упорство и желание, а этих качеств у меня имелось в избытке.

Для йоги Рита нашла мне старый коврик с мягким ворсом, но я распорядилась заказать новый и как можно быстрее. Описала, каким он должен быть. А ещё велела купить мне велосипед. Собиралась по утрам ездить по своему саду. Там были хорошие гравийные дорожки, длинные и удобные. Надо было подтягивать и тренировать попу и ноги Нины, обрюзгшие и слабые.

В общем, моя физическая форма теперь была под полным контролем. Конечно, хорошо бы ещё и бассейн посещать. Но, как я поняла со слов Анюты вчера, в столице были только бани, довольно фешенебельные и для богатой публики. И именно при них и имелись небольшие бассейны и ванны. Эти заведения я обязательно собиралась посетить, но позже.

Я вышла к завтраку в восемь утра. Уже немного голодная и свежая, с утра сделала себе масочку на лицо и шею. И теперь была готова снова встретиться со всеми домочадцами.

Но когда я вошла в столовую, там были только Людочка и Клавдия с Сашей.

Я нахмурилась. Ведь вчера ясно дала понять, что отныне в этом доме трапезы будут по часам: в восемь, в час пополудни и в семь. Я любила во всем порядок и точность.

— Доброго утра вам, матушка. Как себя чувствуете? — спросила Клавдия.

— Прекрасно, дочь, — ответила я честно.

Действительно, сегодня я ощущала себя уже совершенно здоровой и полной сил. Вот что значит верно назначенное лечение Феликса и правильные действия в первые часы после отравления.

Клавдия, как и обычно, была одета элегантно и красиво. Её тёмные волосы собраны в изысканную причёску и украшены тонкой серебряной подвеской.

Внуки тут же подошли и поцеловали мне руку, я в ответ погладила их по головам. Я уже начинала привыкать к этим правилам этикета.

— Это хорошо. Надеюсь, вы всё же передумали насчёт завещания?

— С чего бы это? — подняла я бровь, окатив дочь подозрительным взглядом.

Уж больно её беспокоило это завещание. Такое чувство, что она была там одной из главных в наследовании. Ах, скорее бы приехал Владимир Львович, и я посмотрела завещание. Баскаков прибывал на поезде завтра, в пятницу.

Вчера я снова звонила поверенному в гостиницу и велела Владимиру Львовичу приехать ко мне сразу, со всеми бумагами. Говорила тихо, чтобы никто не слышал. Хотя уже склонялась к мысли самой отправиться в его адвокатскую контору для разговора. Но Баскаков сказал, что поезд может задержаться и на несколько часов, потому он лучше приедет к нам домой сам.

— Ну, поспали, отдохнули, подумали и... — протянула Клавдия.

— Оправилась от яда, забыла, — хмыкнула я недовольно.

— Что вы, матушка! Но всё же было бы справедливо не оставлять нас, своих родных людей, нищими.

Я видела, что Клавдия пыталась давить на меня и манипулировать. И похоже, раньше у неё это отменно получалось. Влиять на мать. Но я была не Нина.

— Довольно. Завещание останется неизменным. Садитесь за стол. Остальных ждать не будем.

— Матушка, простите, я опоздала! — воскликнула Анюта, входя в столовую. — Там посыльные из лавок приходили, с ними говорила.

Улыбнувшись младшей дочери, я прошла к столу и села. Анюта была, как и всегда, одета просто, но в дорогую одежду. С толстой косой, заплетённой дракончиком.

— Лариса Самсоновна, подавайте, пожалуйста, завтрак, — велела я.

— Простите, Нина Георгиевна. Завтрак без изысков сегодня. Готовила я. Ведь новая кухарка ещё не пришла.

— Ничего страшного, — ответила я экономке. — Когда вы намерены отбирать новую прислугу?

— Так сегодня должны все прийти, сударыня, — сказала Лариса Самсоновна важно. — Вчера Ритка в работный дом да в хозяйственную контору бегала по моему приказу. Запрос оставила. Думаю, сегодня все и пожалуют на смотрины.

— Прекрасно.

— Только вот хорошую кухарку сразу вряд ли найдём. Точно придётся поперебирать.

— Возможно. И ещё, Лариса Самсоновна, всех слуг я буду лично утверждать.

— Как прикажете.

Экономка ушла на кухню, и спустя пять минут они с Ритой уже накрыли завтрак.

Часы пробили четверть девятого. Я довольно провела взором по дочерям и внукам — единственным, кто меня не раздражал на ментальном уровне из родни. Клавдия, конечно, была та ещё заноза, но всё же в её взгляде на меня сквозило почтение и тепло.

Я начала завтрак с яйца всмятку и кофе. Даже удовлетворённо вздохнула. Кофе имел замечательный вкус и аромат, а главное, был горячим! Ненавидела пить холодный кофе. И умница Лариса Самсоновна, похоже, это быстро запомнила. Да, хорошую прислугу и правда найти трудно.

До того я тихонько проверила еду «секретными» полосками. Их я теперь носила в кармане, в мешочке.

Со вчерашнего моего собрания пока ничего плохого не происходило. И я надеялась на то, что предпринятые мной меры подействовали.

Но всё же вчера вечером я написала письмо в полицейский участок и подписала: «Приставу Кнурову, лично в руки». Приложила список всей своей бывшей и нынешней прислуги и попросила проследить, уедет ли кто из них из Петербурга в ближайшие две недели. Именно это и будет душегуб. За братом Модестом тоже простила понаблюдать.

— Матушка, сегодня из полиции посыльный принёс, — вдруг заявила Аня, протягивая мне конверт.

Я быстро развернула. Кнуров уведомлял, что проследит за людьми. Я даже удивилась его положительному ответу. Неужели решил заняться своими прямыми обязанностями этот господинчик?

— Ниночка, ангел мой, ты так рано встала? — раздался возглас Аркадия, который зашёл вместе с Антоном в столовую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.